

ДЖЕЙМС БОЛДУИН

БЛЮЗ ДЛЯ МИСТЕРА ЧАРЛИ

ПЬЕСА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ

Перевод с английского
Е. ГОЛЫШЕВОЙ и Б. ИЗАКОВА

*Памяти Медгара Эверса, его вдове и его детям
и в память о мертвых детях Бирмингема*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МЕРИДИАН ГЕНРИ,
ТОМ
КЕН
АРТУР
ДЖИММИ
ДЖУАНИТА
ЛОРЕНЦО
ПИТ
МАТУШКА ГЕНРИ,
ЛАЙЛ БРИТТЕН,
ДЖО БРИТТЕН,
ПАРНЕЛЛ ДЖЕЙМС,
РИЧАРД,
ПАПАША ДЖОЭЛ,
ХЕЙЗЕЛ
ЛИЛИАН
СЮЗЕН
РАЛЬФ
ЭЛИС
СВЯЩЕННИК ФЕЛПС
ДЖОРДЖ
СЕКРЕТАРЬ СУДА.
ПРОКУРОР.
АДВОКАТ ИСТЦА.
СУДЬЯ.
СТАРШИНА ПРИСЯЖНЫХ, ПРИХОЖАНЕ СВЯЩЕННИКА ГЕН-
РИ. НОСИЛЬЩИКИ ИЗ ПОХОРОННОГО БЮРО ПРИСЯЖНЫЕ,
ЖУРНАЛИСТЫ, ФОТОГРАФЫ, РЕПОРТЕРЫ.
ЧЕРНЫЙ ГОРОД.
БЕЛЫЙ ГОРОД.

НЕГРИТЯНСКИЙ СВЯЩЕННИК.

НЕГРИТЯНСКИЕ СТУДЕНТЫ.

МАТЬ МЕРИДИАНА ГЕНРИ.
ЛАВОЧНИК, БЕЛЫЙ.
ЖЕНА ЛАЙЛА.
ИЗДАТЕЛЬ МЕСТНОЙ ГАЗЕТЫ.
СЫН МЕРИДИАНА ГЕНРИ.
ВЛАДЕЛЕЦ КАБАЧКА.

БЕЛЫЕ ГОРОЖАНЕ.

Право первой постановки принадлежит Центральному театру Советской Армии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сложная конструкция в первых двух действиях изображает негритянскую церковь, в третьем действии — зал суда.

Церковь и здание суда находятся на противоположных сторонах улицы в одном из городков американского Юга. В первых двух действиях зрители все время видят купол суда и развевающийся на нем американский флаг. В последнем действии они все время видят шпиль церкви и крест на нем. Посреди церкви — проход. Дверь на улицу на переднем плане обращена к зрителям. Кафедра расположена в глубине сцены, под углом, так что священник обращается одновременно и к прихожанам и к зрителям.

В третьем действии кафедра заменяется местом для свидетелей. Проход служит водоразделом между Белым Городом и Черным Городом. Черные занимают одну сторону сцены, белые — другую. Это относится, в частности, к третьему действию, которое происходит в судебном помещении, размещенном в сепарированном.

Комната Ричарда, лавка Лайла, кабачок папаши Джоэла, кухня Джо и т. п. возникают главным образом в воображении зрителей, так как ничто не должно загромаждать сценическую площадку, или, точнее, конструкцию на ней, о которой уже говорилось.

В эпизоде убийства проход превращается в бездонную пропасть, сценическая площадка выступает вперед, чтобы создавалось впечатление глубины этой пропасти. Ричард исчезает, падая, как камень, в оркестр.

Темнота. Выстрел.

Постепенно освещается фигура Лайла: он напряженно смотрит на то, что лежит на земле. Потом озирается, медленно наклонившись, взваливает на себя, как мешок, тело Ричарда, несет его на просцениум и бросает вниз.

Л а й л. И пусть каждый черномазый, такой, как этот черномазый, кончит так, как этот черномазый, — мордой в чертополох! *(Исчезает.)*

Черный Город. Церковь. Траурная музыка. Меридиан, Том, Кен, Артур.

М е р и д и а н. Нет, нет, нет! Том, ты должен произносить это слово естественно — так, как его произносят они: черномазый, черномазый, черномазый! **Черномазый!** А ты словно готов с этим черномазым чай пить. У них это слово звучит не так. Вспомни все, что произошло. Вспомни, что завтра вечером похороны. Вспомни, какие это похороны. Давай, попробуй еще.

Т о м. Ах ты черномазый, ах ты черный ублюдок, что ты тут делаешь?

М е р и д и а н. Лучше. Уже лучше. Давай еще.

Т о м. Эй, парень, где твоя мать? Небось валяется с кем-нибудь в постели!

М е р и д и а н. Вот это похоже.

Т о м. Эй, парень, а сколько берет твоя мать? Сколько берет твоя сестра?

К е н. Сколько берет твоя жена?

М е р и д и а н. Вот теперь правильно. Вот теперь это они. Не стой на месте, Артур! Шагай, шагай!

Т о м. А ну-ка убирайся с этой улицы, черная задница, чтобы и духу твоего здесь не было, не то мы тебе кое-чтоотрежем, слышишь, черная скотина?

М е р и д и а н. Почему вы стоите как вкопанные? Пошевеливайтесь, хватайте черномазого! *(Потасовка.)* Хорошо. Хорошо! Давай, давай!

Кен наступает и плюет Артуру в лицо.

А р т у р. Ах ты черная сволочь, ты что, спятил?

М е р и д и а н. Эй, стойте! Стойте! Стойте! *(Вытирает Артуру лицо. Все они дрожат от возбуждения.)*

Входит матушка Генри.

М а т у ш к а Г е н р и. Вот и наши. Видно, им здорово досталось.

Входят Джуанита, Лоренцо, Пит, Джимми с плакатами в руках, растрепанные, усталые, израненные. Пит плачет, на плакатах надписи: «Свободу, и немедленно!!!», «Убийцу к ответу!», «Требуем права голоса!».

Д ж у а н и т а. Мы победим!

Лоренцо. Мы не тронемся с места! (Смеется.) Но сегодня нас тронули с места. Кое-кто был даже тронут до слез.

Меридиан (Джуаните). Что там произошло?

Джуанита. Ничего особенного. Обычные субботние забавы.

Меридиан. Хватит, Пит, хватит, дружок. Перестань. Перестань.

Лоренцо. Я его не виню. Он не виноват. Чувствуешь себя дурак дураком, когда стоишь как столб, а белые бабы тебя колотят. Пальнуть бы по ним хоть разок! Черт бы тебя взял, Пит, перестань реветь!

Джуанита. Лоренцо, ты же в церкви.

Лоренцо. Ну да. Жаль, что не на оружейном складе. Простите, Меридиан, и вы, матушка Генри, но я вас не понимаю. Не понимаю Меридиана. Ведь убили его сына и вашего внука, матушка Генри, — прихлопнули, и все! Не прошло еще и недели... А вы сидите тут в этом... в этом доме всемогущего господа бога, будь он проклят, плевать ему, что делается с человеком — конечно, если он не белый. Матушка Генри, я вас очень уважаю, да и Меридиана тоже, но бог у белого человека — сам белый. И этот белый бог, будь он проклят, линчует нас, поджигает наши дома, кастрирует наших мужчин, насилует наших женщин, отнимает у нас все, что столько веков делало людей людьми. Так чего же мы здесь торчим, в его доме? Попался бы он мне в руки — я стащил бы его с небес и поволок на веревке по улицам.

Меридиан. Нет, ты бы этого не сделал.

Лоренцо. Нет? А вот и сделал бы. Еще как!

Джуанита. Тогда бы ты был ничуть не лучше их.

Лоренцо. А я не хочу быть лучше их, чего ради мне быть лучше их?

И в чем? Им ведь только и надо, чтобы я был подстилкой под ногами, а лучше — бессловесным трупом. Иногда я просто теряюсь. Вот уже больше года устраиваем демонстрации, а чего мы добились? Доступа в захудалую библиотеку, которая устарела еще в конце прошлого века и куда все равно никто не ходит? Разве у нас в городе читают книги? И это нам стоило бог весть сколько тысяч долларов штрафа, Джером все еще лежит в больнице, и все мы знаем, что Рути никогда уже не будет той веселой девчонкой, какой она была. Есть чем похвастать! Теперь мы пикетируем этот шикарный кинотеатр, где ноги моей не будет, хоть озолоти: спасибо, проживу и без Юла Бриннера и Дорис Дэй. А электромонтерами и водопроводчиками нас все равно не возьмут, пройтись по парку нам все равно не дают, и наши малыши все равно не могут поплавать в городском бассейне. Мы все равно не голосуем, не можем даже зарегистрироваться как избиратели. Так стоит ли игра свеч? Нас убивают, а у нас нет даже револьверов. Полиция нас не защищает. Нет, эти гады бегают по городу и науськивают: «Дайте им как следует! Они и не пикнут, это негритянское быдло!»

Меридиан. Сегодня кого-нибудь арестовали?

Пит. Нет, сейчас им не до того: надо придумать, как труп Ричарда очутился в чертополохе.

Лоренцо. Что там делалось! Кирпичи так и летали над головой, а мы только кланялись и молили бога, как бы добраться домой, пока они кого-нибудь не пристукнули... (Смеется.) А в голове у меня вертелся стишок — будто я белый и по утрам напеваю:

Поглядите на эту черную рожу!
Он смеется, ему наплевать на всех.
Слава богу, я не черная рожка...

Все.

Боже мой, неужели я тоже негр! *

* Стихи здесь и дальше в переводе Бориса Слуцкого.

Джуанита. Ты спятил, Лоренцо! Они добились своего. Какой теперь из тебя борец?

Меридиан. Я не успокоюсь, пока не предстанет перед судом убийца моего сына. Тот, кто его убил.

Лоренцо. Но он раньше уже убил одного негра — все вы об этом знаете. И ничего тогда не произошло. Шериф зарыл труп, и дело с концом.

Меридиан. Парнелл мне поможет.

Пит. Мистер Парнелл не захочет, чтобы арестовали его закадычного дружка, этого сукиного сына. Простите, матушка Генри.

Матушка Генри. Ничего, сынок.

Меридиан. По-моему, Парнелл доказал, что он наш друг. Это единственный белый в городе, который посмел поднять голос в защиту правого дела. Он боролся за то, чтобы убийцу судили, и ему пришлось нелегко. Если бы не он, не на что было бы и надеяться.

Лоренцо. Видно, я не такой добрый, как вы. И не доверяю всем и каждому.

Меридиан. Мы не можем себе позволить не доверять людям.

Лоренцо. Мы не можем себе позволить и чересчур доверять им. Если белый бывает хорошим, значит, он ждет, чтобы и ты был хорошим. А если мне вдруг вздумается быть плохим? Разве я не имею права быть плохим, как другие?

Меридиан. Нет, не имеешь.

Лоренцо. Почему?

Меридиан. Потому, что ты ведаешь, что творишь.

Входит Парнелл.

Парнелл. Здравствуйте, друзья мои. Я пришел, как вестник радости. Кажется, так надо выражаться, Меридиан?

Джуанита. Парнелл!

Парнелл. Я спешу. Забежал сообщить — выписан ордер на арест Лайла.

Джуанита. Неужели его арестуют? Долговязого Лайла Бриттена? Как же вы этого добились?

Парнелл. Не стану хвастать, Джуанита, не такой уж я хороший, но кое на что я гожусь.

Джуанита. И сколько же народу в нашем городе не будет с вами здороваться, детка, много, много, много дней!

Парнелл. Зато будете здороваться все вы. Видно, мне придется обойтись вашим обществом. А теперь я, пожалуй, пойду предупредить Лайла. В конце концов, я добился его ареста, а он мой приятель... И потом надо дать сообщение в моей газете.

Джуанита. Значит, это правда.

Парнелл. Да. Правда.

Меридиан. Когда его арестуют?

Парнелл. В понедельник утром. Вы не скоро ляжете, Меридиан? Я еще загляну попозже, если не возражаете.

Меридиан. Заходите. Я лягу не скоро.

Парнелл. Тогда ладно. А теперь я пошел. Спокойной ночи. Жаль, что мне нужно спешить.

Меридиан. Спокойной ночи.

Джуанита. Спасибо, Парнелл.

Парнелл. Не благодарите меня, дорогая. Я сделал только то, что, по-моему, должен был сделать. Еще увидимся, Меридиан. (Уходит.)

Меридиан. Неужели они признают его виновным?

Джуанита. Виновным! Вы, кажется, верите в царствие божье на земле. Пока что они его даже не арестовали. Да и зачем им при-

знавать его виновным? Почему именно его? Чем он хуже других? Почтенный представитель своего племени, честь и чистоту которого он защищал, проливая чужую кровь.

Белый Город. Л а й л держит ребенка на вытянутых руках.

Л а й л. Ах ты негодник. Имейте в виду, сэр, я требую, чтобы вы не смели открывать свой крантик и вели себя как джентльмен, когда вы у папы на коленях.

Входит Джо.

Ну и здоровенный мочевого пузыря у этого карапуза!

Джо. Это у него в роду.

Л а й л. Ишь ты какая язва. *(Передает ей ребенка.)* Не правда ли, писун? Тебе не кажется, что твоя мама язва? Что мне, по-твоему, теперь делать?

Джо *(меняя пеленки)*. Скажи своему папочке, чтобы он спал по ночам в своей постели, а не вваливался домой на рассвете.

Л а й л. Скажи своей мамочке, что, если бы она не спала, как колода, и тебя бы нянчила, она бы не замечала, когда я вваливаюсь.

Джо. Нянчить приходится не только его, но и тебя.

Л а й л. Не воображай невесть что. Я просто торчу в лавке.

Джо. До четырех часов утра?

Л а й л. У меня свои заботы: думаю расширить торговлю, тут надо пораскинуть мозгами.

Джо. Сейчас расширить торговлю? Бог с тобой! Мы и так еле сводим концы с концами. Не знаю, что бы с нами стало, если бы по субботам не наезжали из деревень. Разве теперь время расширяться? Дай бог совсем не вылететь в трубу.

Л а й л. Ничего, не беспокойся, куда черномазым деться? Скоро им надоест валять дурака. Думаешь, легко ездить в другой штат за сорок пять миль, чтобы заpastись продовольствием? Ведь у многих даже нет машины.

Джо. Если нет машины, есть друг с машиной.

Л а й л. Другьям тоже надоест. Денька два назад в лавку заходил Джоэл...

Джо. Папаша Джоэл? Ну, он не в счет. Его ты всегда умел обвести вокруг пальца.

Л а й л. Будешь ты слушать или нет? Денька два назад он зашел в лавку купить мешок муки, да и говорит — черномазым осточертело носиться в поисках жратвы. Кому не надоест гонять по сорок пять миль за мешком муки?.. А почему, по-твоему, Джоэл не в счет?

Джо. Да потому. Ну, чего стоит человек, если свои же его ни во что не ставят?

Л а й л. Джоэл соображает, что к чему, только и всего. А я его ставлю выше, чем многих белых. Факт. Он-то знает, что для черномазых хорошо и что плохо.

Джо *(опуская ребенка в кроватку)*. Ну-ну. Если ты будешь продавать по мешку муки в неделю, твоему малышу не кончить школу. *(Пауза.)* А как ты хочешь расширять торговлю?

Л а й л. Я подумывал о том, чтобы сделать лавку... ну... понаряднес, что ли. У нас любят яркие цвета.

Джо. Ты хочешь сказать, черномазые любят.

Л а й л. Какого дьявола! Я продаю товар не одним неграм! Пожалуйста, не перебивай... Я думал сделать лавку пошикарнее, обновить фасад, повесить неоновую вывеску. И знаешь, у нас пропадает место внутри, так почему бы не закупить партию женских платьев, не слишком дорогих, конечно? Держу пари, торговля пошла бы куда бойче.

Джо. Не знаю. Почти все наши дамы покупают платья у Бентона на Декатур-стрит.

Л а й л. Черномазые там не покупают. И потом, мы могли бы продавать точно такие же платья, как у Бентона. Для белых дам...

Д ж о. Нет. Все равно было бы не то...

Л а й л. А почему? Платье есть платье.

Д ж о. Совсем другое дело, если скажешь, что купила его на Декатур-стрит, у Бентона. Да и где ты добудешь на все это деньги?

Л а й л. Могу взять ссуду в банке. За меня поручится старик Парнелл или кто-нибудь из его богатых дружков.

Д ж о. Парнелл заходил к тебе днем... тебя не было в лавке.

Л а й л. Откуда ты знаешь, что меня не было в лавке?

Д ж о. Парнелл был здесь, он сказал, что хотел заглянуть к тебе в лавку, но она была закрыта.

Л а й л. Не было покупателей. Я пошел пройтись.

Д ж о. Он говорит, что у него для тебя плохие вести.

Л а й л. Какие такие плохие вести?

Д ж о. Не знаю. Зайдет вечером и расскажет тебе сам.

Л а й л. А ты как думаешь?

Д ж о. Что, если тебя арестуют?

Л а й л. Ну, нет. Они еще не спятили.

Д ж о. А, по-моему, могут. За последнее время в городе были такие беспорядки, о них писали все газеты на Севере... и теперь еще этот мальчишка, которого убили.

Л а й л. У них нет никаких доказательств.

Д ж о. Нет. Но ты последний видел этого бешеного живым. Вот все и вспомнили про тот, другой случай.

Л а й л. Тогда была самозащита. Так сказал сам шериф. Черт, я же не убийца! Просто иногда становится невтерпеж...

Д ж о. И о той бедняжке... о его жене... больше ни слуху, ни духу.

Л а й л. Ну да. Сгинула, и все.

Д ж о. Ты о ней больше ничего не слышал?

Л а й л. А почему я должен о ней слышать больше, чем другие? Смылась, и все... кажется, у нее была родня где-то в Детройте, туда и укатила.

Д ж о. А мне было ее жаль. Последнее время она бродила по городу как потерянная... И ведь такая молоденькая, хорошенькая...

Л а й л. На мой взгляд, она была совсем еще девчонка. Словно и не мужняя жена. Для него-то она наверняка была молода.

Д ж о. Ведь и это случилось в лавке?

Л а й л. Да.

Д ж о. Сколько было разговоров! Вот что меня сейчас пугает.

Л а й л. А чего стоят все эти разговоры! Надеюсь, ты им не верила?

Д ж о. А многие верили и сейчас верят.

Л а й л. Но ты-то не веришь?

Д ж о. Нет. (Пауза.) Знаешь, в понедельник утром будет ровно год, как мы женаты!

Л а й л. Ну, насчет нас с тобой никто болтать не будет. Малышу как раз два месяца.

Звонок.

Д ж о. Вот и Парнелл. (Уходит.)

Лайл шагает по комнате, заглядывает в кроватку ребенка.

Входят Д ж о и Парнелл.

Л а й л. Давно пора тебе появиться, старый греховодник! Ты так занят своими черномазыми, что для белых у тебя и времени нет. Уж не завел ли ты себе на том конце города черномазую девку? Ей-богу...

П а р н е л л. Я приношу вам глубочайшие извинения за вашего мужа, миссис Бриттен. Больше того, я никак не могу одобрить ваш выбор. Если бы я познакомился с вами первый, моя дорогая, и если бы вы

оценили мое обаяние — сколько бед вы могли избежать! В этом доме найдется что-нибудь выпить? Не говорите «нет» — нам это сейчас обоим не помешает. И давайте сядем.

Лайл. Тащи-ка сюда выпивку, старуха.

Джо приносит бутылку, стаканы, лед; наливает.

Чем ты там занимался?

Парнелл. У меня теперь другое поле деятельности. На этой неделе я не защищал негров, я защищал тебя. Только что я был у начальника полиции.

Лайл. Ну, как поживает этот старый ублюдок?

Парнелл. По-моему, превосходно. Но он действительно старый ублюдок, Лайл, он подписал ордер на твой арест.

Лайл. Хочет арестовать меня? Думает, я пришел этого парня?

Парнелл. Вопрос не в том, что он думает. Тут есть особые обстоятельства, они и вынуждают тебя арестовать. Можешь не сомневаться — будь у него другой выход, он бы не стал тебя сажать. Будь у него другой выход, он бы никого не стал сажать, кроме нищих слепцов да черных старух: ведь он глуп как пробка и труслив как заяц. Тебя обвиняют в убийстве.

Джо. В убийстве!

Лайл. В убийстве?

Парнелл. В убийстве.

Лайл. Я не убийца. Сам знаешь.

Парнелл. Но я знаю, что кто-то этого парня убил. Кто-то всадил ему две пули в живот и выбросил его труп в чертополох у железной дороги за городом. Кто-то же это сделал! А мы платим уйму денег всяким влиятельным болванам, глупым как пробка и трусливым как зайцы, чтобы они пресекали подобные действия. Пресечь они их не пресекают, а все-таки найти того, кто убил этого парня, нам надо. А ты, друг мой, как утверждает в своих показаниях Джоэл Дэвис, он же папаша Джоэл, был последним, кто видел парня живым. Известно, что ты его недолюбливал... чтобы не сказать больше.

Лайл. Никто его не любил.

Парнелл. Допустим. Но нельзя сказать, что никто его не убил. Кто-то же убил. И этого «кого-то» надо найти. А поскольку ты был последним, кто видел убитого живым, придется тебя арестовать — и тебя либо оправдают, либо осудят.

Лайл. Они меня не осудят.

Парнелл. Ну, тут ты, пожалуй, и прав. Но арестовать тебя они все равно арестуют.

Лайл. Когда?

Парнелл. В понедельник утром. Конечно, ты еще можешь сбежать в Мексику.

Лайл. А чего ради мне бежать?

Парнелл. Я и не подстрекаю тебя к бегству. Если ты сбежишь, я уговорю твою жену с тобой развестись и выйти за меня.

Джо. Ну, вот это лучший способ заставить его немедленно смыться из города. Смотри, какое выгодное предложение тебе делают, золотко. Неужели откажешься?

Лайл. Не болтай чепуху. Дела мои дрянь. Ей-богу, не знаю, что за дурь на них нашла!

Парнелл. Да, дела у тебя неважные. Будь этот парень белым, они были бы совсем, совсем дрянь и тебя бы давно посадили за решетку. А ты что, не понимаешь, с чего на людей тут дурь напала?

Лайл. Поднимать такой хай из-за какого-то черномазого щенка да еще с Севера!

Парнелл. Положим, он здешний. Сын священника Меридиана Генри.

- Л а й л. Ну, он так долго отсутствовал, что его уже можно считать северянином. Махнул на Север, сбился там с панталыку и вернулся, чтобы устраивать беспорядки; говорят, он еще и наркоман. Так чего ж тут поднимать хай? Верно, пришел его какой-нибудь другой черномазый — у них это дело обычное, — а ведь никто и не подумал арестовать кого-нибудь из них. Может, у нас в городе всех чернопузых зачислили в святые?
- П а р н е л л. Знаешь, я здесь не для того, чтобы обсуждать с тобой вопрос о святости черномазых. Я пришел, чтобы предупредить тебя об аресте. Ты можешь считать, что всякий негр, который на Севере сбился с панталыку, а потом вернулся домой и хочет снова встать на ноги, заслуживает смерти, — я другого мнения.
- Л а й л. Ты говоришь так, будто у меня зуб против негров, — ничего подобного! Нет у меня против них зуба и никогда не было. Но будь я проклят, если я стану с ними якшаться. Вот и весь сказ. Мне это не по душе, и все. Я вовсе не желаю, чтобы какой-нибудь черномазый самец забрался в постель к Джо, а ведь все к тому идет, и ты это знаешь не хуже меня! Я — против и сделаю все, чтобы до этого дело не дошло! Сделаю!
- П а р н е л л. Представь себе, что он — вот этот мой крестник — возьмет да и женится на китайке. Знаешь, на свете тьма-тьмущая китайнок, хоть ты об этом, наверно, даже не подозревал. Тем не менее это так. Допустим, он вырастет, посмотрит на всех наших чистых белых женщин, и его — извините за выражение — начнет от них тошнить, и тогда он задумает жениться на чистой кигайской девушке. Что ты будешь делать? Пристрелишь его? Или пристрелишь ее?
- Л а й л. Парнелл, ты мне друг. Ты всегда был мне другом. Ты знаешь про меня больше, чем кто-либо на свете. Что на тебя нашло? Ты же... ты же не пойдешь против меня, а?
- П а р н е л л. Нет. Нет, я никогда не пойду против тебя. Я только хочу заставить тебя призадуматься.
- Л а й л. Если на то пошло, ты ведь не женился на китайке. Ты просто ни на ком не женился. Уж не знаю, сколько баб старалось подцепить старину Парнелла, а ничего у них не вышло... Понятия не имею, что в тебе такое есть, но маху ты не даешь! А как насчет твоей нынешней, насчет Лоретты, — на ней хоть ты женишься?
- П а р н е л л. Сомневаюсь.
- Д ж о. Парнелл, вы просто чудовище. Чудовище!
- П а р н е л л. По-моему, она должна быть мне благодарна: ведь она может сделать более выгодную партию. Кто я такой? Опустившийся издатель газетенки, которую никто не читает, в бестолковом и мерзком захолустном городишке.
- Л а й л. Я думал, тебе у нас нравится.
- П а р н е л л. Вовсе мне здесь не нравится. Но я люблю свой город. А может, и нет. Не знаю. Ну, мне пора.
- Л а й л. Что за спешка? Посиди с нами, поужинаем, чем бог послал.
- П а р н е л л. Меня ждет Лоретта. Придется с ней поужинать, чем бог послал. А потом, у меня есть еще дела на том конце города.
- Л а й л. Насчет чего они там треплются? Наверно, молятся день и ночь, чтобы меня вздернули? Выкладывай, мне на них наплевать.
- П а р н е л л. Не плюй в колодец — пригодится воды напиться. Во всяком случае, треплется один папаша Джоэл.
- Д ж о. Я же говорила тебе, что он ничтожество, я же тебе говорила!
- Л а й л. Понять не могу, какая муха его укусила! Мы же столько лет друг друга знаем! Вот что значит старость. Ступай к нему и скажи, что он все напутал... насчет меня и того мальчика. Скажи, что ты со мной говорил и я сказал, что он ошибается.

Парнелл. Если разрешите, завтра к вам загляну. Спокойной ночи, Джо, и спасибо. Спокойной ночи, Лайл.

Лайл. Спокойной ночи, старина.

Джо. Я провожу вас до дверей.

Джо и Парнелл уходят. Лайл шагает по комнате.

Лайл. Ну и ну! Вот так новость! Нет, засудить им меня не удастся! Нипочем! *(Заглядывает в детскую кроватку.)* А ты как думаешь, писун?

Черный Город, снова церковь.

Лоренцо. А когда они будут его судить, я буду ходить туда каждый день — вон туда, в суд, на ту сторону улицы, откуда они годами отпращивали нашего брата на тот свет.

Матушка Генри. Я тоже их раньше ненавидела, сынок. А теперь перестала. Уж больно жалкий народишко.

Меридиан. Но ведь свидетелей не было.

Джуанита. Эх, Меридиан, Меридиан.

Матушка Генри. Помните песню, которую он так любил?

Меридиан. Я счастлив и поэтому пою!

Джуанита. Свободен и поэтому пою!

Пит. Господь не дает пропасть и воробью,

Лоренцо. Он охранит и жизнь мою.

Слышна далекая музыка.

Джуанита. Он любил и другую песню — песню о тюрьме, и о проносящемся поезде, и как огни поезда освещают лица узников каждую полночь. Мне так и слышится его голос: господи боже, пробуждаясь по утрам, ты слышишь звон, дин-дон...

Матушка Генри. У него был прекрасный голос...

Лоренцо. Там, в Нью-Йорке, он давал жару... пока не споткнулся.

Меридиан. И кинулся домой...

Матушка Генри. Не вини себя, голубчик. Не вини себя!

Джуанита. ...Строим идем на обед, ничего там нового нет...

Джимми. Ножик, вилка и ложка...

Музыка звучит громче.

Пит. А ежели поворчишь немножко...

Лоренцо. Наживешь себе бед.

Свет в церкви меркнет. Мы видим Ричарда у себя в комнате, он поет. Эта сцена должна дать живое представление о том Ричарде, которого так любили, когда он играл в театре Аполло в Гарлеме, о том Ричарде, который был восходящей звездой Нью-Йорка.

Меридиан. Свидетелей не было...

К концу песни Ричарда входит матушка Генри, она несет поднос с бутербродами, пирогом и стаканом молока.

Ричард. Ты кормишь меня по-королевски, старая, а какой же я король! Я просто неудавшийся музыкант, безработный голоштанник. А петь я могу, правда?

Матушка Генри. Выражайся уважительно, ты же знаешь, что ни я, ни отец не любим таких словечек. Садись и ешь, тебе надо набираться сил.

Ричард. Для чего? Куда мне их девать?

Матушка Генри. Брось такие разговоры.

Ричард. Брось такие разговоры, не нужны нам такие разговоры! Никому дела нет, что человек чувствует, что он думает, что с ним творится, — заладили одно: брось такие разговоры.

Матушка Генри. Ричард!

Ричард. Ладно. Ладно. *(Садится на кровать, начинает есть с каким-то ожесточением.)* Чего я никак не пойму — это зачем я торчу здесь, у черта на куличках, на черном, вонючем, проклятом Юге.

Матушка Генри. Ты здесь родился. Здесь твоя родня. Ты не умеешь себя вести, и в голове у тебя ветер, вот ты и попал в беду и вернулся к своей родне. Счастье твое, что все обошлось так, а не хуже. Хочешь еще молока?

Ричард. Нет, бабушка. Садись.

Матушка Генри. Некогда мне с тобой прохлаждаться. *(Но она все-таки садится.)* О чем задумался?

Ричард. Сам не знаю. Как вы только терпите?

Матушка Генри. Кого терпим? Тебя?

Ричард. Да нет, здешнее житье и всех этих неприкаянных людей.

Матушка Генри. Судя по тому, что мне говорили, да я и сама вижу, люди, с которыми ты знался, были не лучше.

Ричард. Ты о ком, о тетке Эдне? Она звезд с неба не хватает, но она ничего.

Матушка Генри. Я не о ней говорю. Я говорю обо всех тех, с кем ты там путался. А я-то думала, у тебя есть голова на плечах. Ты меня слышишь?

Ричард. Слышу.

Матушка Генри. Это все, что ты можешь сказать?

Ричард. Тебе легко говорить, бабушка, ты же ничего не знаешь о Нью-Йорке и о том, что там человеку грозит.

Матушка Генри. Я знаю все, что человеку грозит на этом свете. И я знаю, что хорошо и что плохо. Мы старались воспитать тебя так, чтобы и ты знал — что хорошо и что плохо.

Ричард. Мы по-разному смотрим на вещи, бабушка. Я не очень уверен, знаю ли я, что хорошо и что плохо, но хотел бы знать; я всегда ищу людей, которые кое-что знают, особенно что хорошо и что плохо.

Матушка Генри. У тебя были неприятности — с кем этого не бывает, — и ты немножко устал, и это тоже со всяким бывает. Все пройдет. Ты еще молод. Ты только поменьше суетись, посиди тихонько. Твой отец души в тебе не чает. Ты у него единственный сын.

Ричард. Велика важность, бабушка. Но давай я расскажу тебе о Нью-Йорке. Ты ведь никогда не бывала на Севере, правда?

Матушка Генри. Отец рассказывал мне о нем каждый раз, когда ездил вас навещать.

Ричард. Отец сам Нью-Йорка не знает. Приедет на несколько дней и сразу же уезжает обратно. Так Нью-Йорк не узнаешь. Нет! Он его даже толком не видел. В конце концов я понял, что он никогда его и не увидит; есть много вещей, которых отец не способен видеть. Я знаю о них больше, чем он.

Матушка Генри. Вам, молодым, всегда так кажется.

Ричард. А тебе? Когда ты была молоденькой? Ты думала, что знаешь больше, чем отец и мать? Пари держу, что так, — ведь ты у нас хитрая старуха, хоть и тихоня.

Матушка Генри. Нет, никогда я так не думала. Но я верила, что могу узнать больше их: ведь они родились рабами, а я родилась свободной.

Ричард. Ну и как, узнала?

Матушка Генри. Я узнала то, что мне надо было знать, — как заботиться о муже и растить детей в страхе божьем.

Ричард. А ведь я, бабушка, в бога не верю.

Матушка Генри. Ты сам не понимаешь, что говоришь. Разве можно не верить в бога? Это от тебя не зависит.

Ричард. От кого же это зависит?

Матушка Генри. От жизни, которая бьется в тебе.. от самой жизни в тебе. Она-то знает, откуда произошла, она-то верит в бога. Если сомневаешься — попробуй-ка не дышать.

Ричард. Ишь ты какая хитрая, а? *(Пауза.)* Я уговорил тогда отца, что мне будет лучше в Нью-Йорке, Эдна тоже уговаривала, твердила, что там черному живется привольнее, чем здесь. Да все это брехня, бабушка, ты уж мне поверь. Сперва я думал — это правда; черт, я же был деревенщина, юнец, а там нет никаких надписей — туда нельзя, сюда нельзя. Нет, ты должен дойти до этого сам. Первое время я думал, что все идет как по маслу, ну а Эдна — ей ведь море по колено, она-то вообще уверена, что у нее всегда все идет как по маслу; так мы и катались как сыр в масле.

Матушка Генри. Я знаю, Эдна где-то там себя потеряла. Но ты, ты почему не вернулся? Ты же знал — отец ждет, чтобы ты вернулся... И отец и я.

Ричард. Я не хотел возвращаться, как побитая собака. Как побитая собака... которая ищет защиты у другой побитой собаки. Нет, этого я не хотел. Я хотел, чтобы отец мною гордился, — ведь, когда я отсюда уезжал, я, ей-богу, не очень-то гордился им.

Матушка Генри. Тише, сынок. Отец прекрасный человек. Отец тебя любит.

Ричард. Знаю. Но как бы мне хотелось, чтобы в тот день, когда умерла мама, он взял револьвер и отправился в эту чертову гостиницу для белых и перестрелял там всех этих сукиных детей. Да, да. Пусть бы он всех их прикончил. Тот день мне снился с тех пор, как я уехал отсюда. Мне снилось, как мама падает с лестницы этой гостиницы. **Моя** мама. Я никогда не верил, будто она упала сама. Я всегда думал, что какой-то белый ее толкнул. И знаю — отец думает то же самое. Но его там не было, он ничего не видел, ничего не мог сказать наверняка, ничего не мог сделать. Никогда не забуду, какой у него был вид — точно у побитой собаки!

Матушка Генри. Она упала, Ричард, упала сама. Ступеньки были мокрыми и скользкими, и она упала.

Ричард. Чтобы мама вдруг упала с лестницы в этой проклятой гостинице для белых? Маму толкнули, ты помнишь, как эти белые ублюдки вечно увивались вокруг нее — ведь она была хорошенькая и черная.

Матушка Генри. Ричард, не смей внушать себе, что во всех страданиях на свете виноваты только белые!

Ричард. Почему? Почему мне этого себе не внушать? Я буду вести себя с каждым белым так, будто это он виноват во всех преступлениях в мире, с тех пор как живут люди. Ведь это они виноваты во всех несчастьях, которые я видел, — с меня этого хватит. И мама умерла потому, что отец был не в силах ее защитить. Не в силах, потому что он черный. Чтобы обрести силу, черные должны выгнать вон всех белых.

Матушка Генри. Ты хочешь себя уморить. Ты хочешь уморить себя ненавистью.

Ричард. Вот уж нет. Я хочу выздороветь. Ненависть поможет мне выздороветь — что ты на это скажешь?

Матушка Генри. Так не бывает. Никогда не бывает. Ненависть — это отравка.

Ричард. Не для меня. Я научусь принимать ее как лекарство — глоток утром, глоток на ночь. Я припомню им все. Буду хранить это тут, у себя в голове. Я припомню им маму, и папино лицо в тот день, и тетю Эдну — как ей нужно изворачиваться, и всю эту молодежь в Гарлеме, и всех сутенеров, и шлюх, и бандитов, и всех гадов

из полиции. Я припомню им и наркотики, отравляющие кровь в моих жилах. Все припомню: тюрьмы, где я сидел, полицейских, которые меня били, и каких мук мне стоило избавиться от моей пакостной привычки. Я припомню все это и выздоровлю. Я выздоровлю.

Матушка Генри. Ох, Ричард, Ричард, Ричард.

Ричард. Не причитай надо мной. Говорю тебе, я выздоровлю. *(Вытаскивает из кармана маленький револьвер с отпиленным стволом.)*

Матушка Генри. Ричард, зачем тебе этот револьвер?

Ричард. Ношу его с собой, вот и все. Куда я, туда и он.

Матушка Генри. Он у тебя давно?

Ричард. Давным-давно.

Матушка Генри. Ричард... а ты никогда?

Ричард. Нет. Пока нет. Но если надо будет... не беспокойся. Будь я проклят, если не прихвачу с собой на тот свет хоть одного из этих ублюдков.

Матушка Генри. Ну-ка давай сюда твою пушку. Я тебя прошу.

Ричард. Не могу. Это единственное, чем их можно пронять. Больше ничем, понимаешь, ничем!

Матушка Генри. Ричард... твой отец... подумай об отце...

Ричард. Не смей ему ничего говорить! Слышишь? *(Пауза.)* Не смей!

Матушка Генри. Ричард. Я тебя прошу.

Ричард. Унеси поднос, старая. Я сыт.

Немного помедлив, матушка Генри берет поднос и уходит. Ричард вытягивается на кровати.

Джуанита *(за сценой)*. Меридиан! Матушка Генри! Кто-нибудь дома? *(Входит.)* Ах, простите.

Ричард. По-моему, они в церкви. Бабушка, верно, пошла помолиться за мою погибшую душу.

Джуанита. Бабушка?

Ричард. А вы кто такая? Мы с вами знакомы?

Джуанита. Да. Как будто знакомы.

Ричард. Вы не Джуанита?

Джуанита. А вы Ричард!

Ричард. Ах, черт!

Джуанита. Ну и хорош гусь! Значит, в конце концов надумал вернуться... Дай я тебя обниму. А знаешь, ты почти не изменился... Чутьочку вырос, но уж конечно не пополнил.

Ричард. А ты, видно, такой же сорванец. И голос у тебя по-прежнему звонкий — его всегда было слышно на другом конце города.

Джуанита. Ну, ты же сам говорил, что городок у нас с гулькин нос. А голос у меня громкий потому, что мне с детства приходилось звать на помощь.

Входит Пит.

Ты знаком с Питом Спиви? Он появился на нашем горизонте уже после твоего отъезда. Посещает так называемый местный храм науки.

Ричард. Здравствуй. Ты из каких мест?

Пит. Из одной деревушки возле Мобила.

Ричард. Отчего же ты не поехал на Север? Раз уж решил сняться с места. Вот где житье! Там, правда, можно заблудиться, но какая-нибудь веселая девчонка всегда дорогу покажет.

Джуанита. Я этого не слышала... Пойдешь с нами? Хочешь разделить компанию?

Ричард. Я человек компанейский. А что вы собираетесь делать?

Пит. Просто хотели побродить по городу и, может быть, пропустим где-нибудь стаканчик-другой. А то и прокатимся. У меня машина.

Р и ч а р д. Вот уж не думал, что встречу тебя снова, Джуанита. Ты все время жила здесь?

Д ж у а н и т а. Конечно, голубчик. Ждала, когда ты вернешься.

Р и ч а р д. Не верь ей, Пит. Мы с ней вместе лазили по деревьям, вот и все.

П и т. Мне она тоже задает жару. Но жарко мне одному.

Заведение папаши Джоэла. Громкая музыка радиолы, но не такая неистовая, как песня Ричарда. Танцующая молодежь изощряется в различных вариациях твиста и других модных танцев. Папаша Джоэл за сгойкой. Наступает вечер. Входят Джуанита, Пит и Ричард.

Д ж у а н и т а. Как дела, папаша Джоэл? Мы привели к вам гостя... Узнаете?

П а п а ш а Д ж о э л. Кажется, я вас знаю, молодой человек. Ну да, конечно знаю. Погодите минутку, не говорите... Уж не сынок ли вы Ширли Андерсон?

Р и ч а р д. Нет. Я помню Ширли Андерсон, но мы с ней не родня.

П и т. Гадайте дальше, папаша Джоэл.

П а п а ш а Д ж о э л. Вылитый отец! Я узнал тебя по улыбке, ты сын его преподобия Генри. Ну, как живешь? Хорошо, что ты вернулся. Ты у нас тут побудешь?

Р и ч а р д. Да, сударь. Собираюсь здесь пожить.

П а п а ш а Д ж о э л. Как же, помню, щуплый был малец, но бесенок. Сколько же тебя тут не было?

Р и ч а р д. Почти восемь лет. Я уехал в сентябре — через месяц будет ровно восемь лет.

П а п а ш а Д ж о э л. Скажите... Как папа? А бабушка? Что-то я давно их не видел.

П и т. Вы разве не ходите в церковь, папаша Джоэл?

П а п а ш а Д ж о э л. Знаешь, как это бывает... Никак не выберусь, видит бог!

Р и ч а р д. Они здоровы.

П а п а ш а Д ж о э л. Хотите закусить?

Р и ч а р д. Сейчас сообразим.

Все трое садятся.

П и т. Старик Джоэл все про всех знает, верно?

Д ж у а н и т а. Да, имей это в виду.

Р и ч а р д. Он, кажется, что-то вроде дяди Тома?

П и т. Да. Ругает мистера Чарли последними словами, говорит, будто всей душой с нами — с молодежью, но сердить мистера Чарли опасается. Знаешь, он все еще покупает в лавке у Лайла Бриттена.

Р и ч а р д. А кто такой Лайл Бриттен?

П и т. Шакал, владелец соседней лавки. Настоящий шакал, ты таких еще не видел. Сколько лет негры покупали только у него — негодяй небось разбогател на нас, — но встретишь его на улице, и он ждет, чтобы ты сошел с тротуара. Вот мы и уговорили народ ничего у него не покупать.

Д ж у а н и т а. Несколько лет назад он убил негра, убил его наповал, но никто слова ему не сказал, а уж трогать его и не думали...

П и т. Лайл пугался с женой этого негра, и старый Билл Уокер — мы все звали его Старик Билл — хотел с этим делом покончить.

Д ж у а н и т а. Она была хорошенькая — очень маленькая и очень черная.

Р и ч а р д. Она еще здесь?

П и т. Нет. Пропала. Уехала куда-то на Север.

Р и ч а р д. Сукины дети! Им можно насиловать и убивать наших женщин, а мы должны помалкивать. Но если мы хоть пальцем тронем какую-нибудь тощую белобрысую бабу, они нас кастрируют.

Помните, я говорил вам насчет девчонки из Гринвич-вилледж в Нью-Йорке?

Пит. Ну и что?

Ричард. Она белая, вот что. У меня в Нью-Йорке было этих белых девчонок хоть завались. Ей-богу. Просто на шею вешались, а я был парень не промах. Говорят, у черных нет чувства собственного достоинства. Посмотрели бы вы на белых женщин, когда они к тебе пристают. Готовы на все, абсолютно на все! Погодите... я вам покажу фотографии. Вот эта живет в Гринвич-вилледж. Хороша? Погляди на ее длинные желтые волосы, уж чего только она не вытворяла. А вот эта — Сэнди, ее папаша — воротила на Уолл-стрит.

Пит. Кажется, Джуанита начинает нервничать.

Джуанита. Не обращайтесь на меня внимания. Я уже давно взрослая. Кроме того, я изучаю психопатологию. Пожалуйста, не стесняйтесь. А вот эта — кто? Чем занимается ее отец?

Ричард. Это Сильвия. Не знаю, чем занимается ее отец. Она натурщица. Денег у нее куры не клюют.

Пит. Ты брал у нее деньги?

Ричард. Брал, и им это нравилось. Денег им девать все равно некуда. У всех у них был про запас какой-нибудь белый болван. Когда я им давал отставку, они возвращались домой и выходили за него замуж. Но когда им нужен настоящий полнокровный мужчина, что называется «вынь да положь»...

Джуанита. Все это очень печально для них. Да и для тебя.

Ричард. А я не хочу, чтобы им было весело, пусть меня помнят. Мне-то чего печалиться? Все у меня шло как по маслу, я уж было вышел в люди. У меня были хорошие бабешки, полный бумажник, своя машина, я быстро шел вверх! Но тут я и сломал себе шею.

Джуанита. Мы слышали, ты был болен.

Ричард. Кто вам сказал?

Джуанита. Твой отец. Бабушка. Но они не говорили, чем ты болел.

Папаша Джоэл проходит мимо их столика.

Ричард. Эй, папаша Джоэл, подите-ка сюда. Я вам кое-что покажу. Поглядите сюда, вы только поглядите! Правда, шикарные девчонки? А знаете, кому они говорят: «Милый! Ох, милый!»? Вот именно. Тому, кто сидит перед вами.

Папаша Джоэл. Где ты стянул эти фотографии?

Ричард (смеется). Стянул! Зачем мне красть женские фотографии? Я правду говорю!

Папаша Джоэл. Убери-ка их подальше. Я думал, ты все-таки соображаешь. (Уходит за стойку.)

Ричард. Ну и сука. Душа у него в пятки ушла оттого, что я ношу с собой фотографии белых женщин. Вот в чем их беда, этих черномазых. Все они трусы.

Джуанита. Я, знаешь ли, не трусиха. Но просто смысла нет самой напрашиваться...

Пит. ...чтобы тебя линчевали.

Ричард. Ладно, ладно, спрячу. Вовсе не хочу портить людям настроение.

Пит. Извините. Я скоро вернусь. (Отходит.)

Ричард. Хочешь потанцевать?

Джуанита. Нет. Не сейчас.

Ричард. А есть хочешь?

Джуанита. Нет. Ричард!

Ричард. Да?

Джуанита. Ты был очень болен?

Р и ч а р д. А зачем тебе знать?

Д ж у а н и т а. Просто так. Мы ведь с детства дружили.

Р и ч а р д. Ты была больше похожа на мальчишку, чем на девчонку. Всюду за мной увязывалась. Тебе ужасно хотелось сломать себе шею.

Д ж у а н и т а. Что ж, я изменилась. Теперь я уже не мальчишка.

Р и ч а р д. Ты стала совсем не дурна, особенно если вспомнишь, какая ты была.

Д ж у а н и т а. Благодарю покорно.

Р и ч а р д. Как это ты до сих пор не вышла замуж? Вот Пит к тебе как будто неравнодушен.

Д ж у а н и т а. Ну да, мы с ним друзья. Но я не спешу замуж — во всяком случае пока. И не здесь. Не знаю, останусь ли я здесь. Учусь, как проклятая, а на будущий год, пожалуй, уеду.

Р и ч а р д. Куда?

Д ж у а н и т а. Еще не знаю. Я всегда мечтала поехать на Север, поступить в юридический институт, а потом вернуться сюда адвокатом, ей-богу, у нас в городе это было бы не лишнее. Но теперь ничего не знаю.

Р и ч а р д. Здесь трудно, да?

Д ж у а н и т а. Дело даже не в этом. Хотя, конечно, трудно... Что с тобой? Хочешь уйти?

Р и ч а р д. Нет, нет, ничего. Продолжай. *(Пауза.)* Уже прошло. Продолжай.

Д ж у а н и т а. Здесь трудно потому, что поневоле живешь в постоянном страхе. Умирать-то ведь не хочется... Но что случилось с тобой, Ричард, чем ты болел?

Р и ч а р д. Да чепуха. Теперь мне уже лучше.

Д ж у а н и т а. В том-то и дело, что нет. Тебе не лучше.

Р и ч а р д. С чего ты взяла?

Д ж у а н и т а. Я за тобой наблюдаю...

Р и ч а р д. Почему ты за мной наблюдаешь?

Д ж у а н и т а. Я тебя люблю.

Р и ч а р д. Ты меня любишь! Вот уж не думал, что ты так быстро пьянеешь.

Д ж у а н и т а. А я не опьянела. Ты не веришь, что тебя можно полюбить?

Р и ч а р д. Полюбить! А ты знаешь, сколько раз я это слышал от баб? Что они меня любят.

Д ж у а н и т а. Пусть. У меня это совсем другое.

Р и ч а р д. Я был марафетчиком.

Д ж у а н и т а. Кем?

Р и ч а р д. Марафетчиком, наркоманом, вот кем! У меня руки и ноги все исколоты.

Д ж у а н и т а. Я ведь просила, чтобы ты мне рассказал, а не кричал на весь свет.

Р и ч а р д. Куда провалился Пит?

Д ж у а н и т а. Танцует.

Р и ч а р д. Хочешь потанцевать?

Д ж у а н и т а. Немного погодя.

Р и ч а р д. Меня в это втянули лет пять назад. Понимаешь, я ведь терпеть не мог всех этих баб, с которыми путался, и я работал, как черт, учился музыке, и — боже мой! — как я был одинок! Приходишь после халтуры, усталый, как дьявол, и уже нахлебался всякого дерьма и от администрации, и от зрителей, а потом тебе еще надо изображать любовь с какой-нибудь белолицей сукой. Ну, проведешь свою роль и кое-как проснешься утром, а баба лежит с тобой

рядом, свеженькая, как огурчик, и желает начать все сначала, а ты едва удерживаешься, чтобы ее не придушить, не избить до смерти. Уходишь, а внутри ноет, и день и ночь. Нет никакого спасения... **никакого спасения.** Что бы ты ни делал, куда бы ни подался — **никакого спасения.** Но когда я себя подстегивал, я успокаивался, меня уже ничто не трогало. И одиночества уже не чувствовал, мне было хорошо. И бабы — я уже мог с ними сладить, а они со мной нет. Я и не подозревал, что втягиваюсь в это дело, пока не втянулся. И тут пошли неприятности, я терял одну халтуру за другой, пришлось продать машину, растаяли деньги, смылись бабы — конечно, не все, — а потом я сел на мель и попал в Лексингтонскую тюрьму, и вот я здесь. «Далеко-далеко на реке Суани». Но я встану на ноги, не бойся.

Джуанита. Чего мне бояться. Я хочу тебя вылечить.

Ричард. Как?

Джуанита. Как прежде. Не буду пускать тебя никуда одного.

Ричард. Тебе все не терпится сломать себе шею.

Джуанита. Такое уж сейчас время. Теперь не принято умыть руки.

Ричард. А ты понимаешь, на что идешь?

Джуанита. Нет. Но ты сказал, что ты одинок. Я тоже одинока.

Входит Лайл; он направляется к стойке. С его появлением атмосфера меняется, но все продолжают заниматься своим делом.

Лайл. Джоэл, ты мне не разменяешь деньги для автомата? Еду далеко, а сигареты кончились.

Папаша Джоэл. Привет, мистер Лайл. Как жизнь? В последнее время вас что-то не видно.

Лайл (*смеется*). Что правда, то правда. Но друзья остаются друзьями. Верно?

Папаша Джоэл. Верно, мистер Лайл.

Джуанита. Это Лайл Бриттен. Тот, о котором мы говорили.

Ричард. Интересно, что бы он сделал, если бы я зашел в ресторан для белых?

Джуанита. А ты об этом не думай. И не ходи в рестораны для белых — так будет лучше!

Ричард (*смеется*). Знаешь, что такое ЗСД? Занимайся своим делом. Вот и давай займемся своим делом. Поглядим, не разучился ли я танцевать.

Они поднимаются и танцуют. Может быть, она учит его новому танцу — «схватка» или он учит ее танцу «пони»; им весело друг с другом. Лайл меняет деньги, берет сигареты из автомата, подходит к стойке и останавливается, наблюдая за танцующими.

Лайл. Знаешь, Джоэл, я бы ни за что не смог так танцевать.

Папаша Джоэл. Проще простого. Двигайся поживей, и все. Я и сейчас еще не разучился. (*Нескладно пытается изобразить твист.*)

Лайл. Ай да Джоэл, у тебя получается. Ну, я пошел.

Папаша Джоэл. Спокойной ночи, мистер Лайл.

По дороге к двери Лайл толкает Джуаниту. Ричард останавливается, держа Джуаниту за талию. Ричард и Лайл меряют друг друга взглядом.

Лайл. Простите.

Ричард. Считайте себя прощенным.

Лайл. Ты тут, видно, новенький?

Папаша Джоэл. Он приехал в город всего несколько дней назад, мистер Лайл.

Ричард. Правильно. Я тут в городе всего несколько дней, мистер Лайл.

Лайл. Ну-ну. Желаю тебе не нарваться на неприятности. (*Уходит.*)

Пит. Видно, тебе не терпится попасть на тот свет? Он с радостью тебе в этом поможет.

Ричард. Да ну? И я бы с радостью ему в этом помог. Давай, детка, пластинка зря крутится... ЗСД. (Танцуют.) Ну и сукин сын... Значит, ты меня любишь?

Церковь. Пит и Джуанита в сторонке.

Пит. Отчего ты меня избегаешь? Ладно, не отвечай. Ты начала чуждаться меня, как только в городе появился Ричард. Но послушай, ведь Ричард умер, а ты все равно от меня отворачиваешься. Я не прошу у тебя больше, чем ты можешь дать, но почему ты меня к себе не подпускаешь? Я же знаю — я тебе нравился. Мы славно проводили время.

Джуанита. Да. Конечно, ты мне нравишься. Но я ничего не знаю. Не спрашивай меня сейчас ни о чем. Пусть никто меня ни о чем не спрашивает.

Пит. Из-за Ричарда? Если так, я подожду... Я подожду, пока ты не почувствуешь, что Ричард умер, а ты жива и должна жить и что я тебя люблю.

Джуанита. Когда приехал Ричард, мне словно в сердце ударило, такого со мной еще никогда не было. И не думай, что меня к нему потянуло только физически. Он завладел всем моим существом — до самого дна, как только может один человек завладеть другим. Он нуждался во мне, и все изменилось для меня в этом страшном мире... ты понимаешь? И — вот странно! — когда я бывала с ним, я не задумывалась о будущем, не смела о нем думать. Я не знала, достаточно ли я сильна, чтобы дать ему то, в чем он нуждается и пока он нуждается. Это продолжалось всего четыре или пять дней, Пит, четыре или пять дней, точно налетел ураган, гроза! И то, что я узнала во время этой грозы, останется со мной навсегда. Прежде я думала, что знаю себя. Но теперь поняла, что во мне есть много такого, о чем я даже не подозревала... А если я не могу быть верной себе, боюсь обещать верность и другому.

Пит. Но ведь ты мне нужна. И верным буду я. Это ведь тоже выход. Вот увидишь.

Джуанита. На свете столько людей, и каждому нужно так много!

Пит. И тебе. И мне, Джуанита. Ты завладела мною. Всем моим существом.

Джуанита. Тогда ты, наверно, видишь меня насквозь. И, наверно, думаешь, что я дура... или еще хуже.

Пит. Нет. Я думаю, что в тебе есть дар любви. Если ты позволишь мне помочь тебе, мы отдадим ее людям. Ты не можешь отдать людям любовь, пока кто-нибудь не поможет тебе полюбить людей.

Джуанита. Это я уже поняла. Кругом так мало любви.

Пит. Да — пока...

Лучи автомобильных фар скользнули по их лицам. Молчание. Все напряженно прислушиваются, следя за тем, как приближаются, а затем исчезают огни другой машины. В служебном помещении при церкви раздается телефонный звонок; матушка Генри идет к телефону. Слышен ее голос, потом она возвращается.

Матушка Генри. Звонил Фредди Робертс. Говорит, что в половине третьего залаяла его собака и его разбудила, он впустил собаку на веранду, а под верандой двое белых возятся с его газопроводом. Фредди думает, что одного из них собака укусила. Фредди побежал в дом за ружьем, но оно дало осечку и те двое удрали. Он хотел нас предупредить — может, они заявятся сюда.

Лоренцо. Только у нас нет ружья.

Джуанита. Его разбудила собака? Ну вот, теперь они вернутся и убьют собаку!

Джимми. А зачем им возиться среди ночи с газопроводом под верандой чужого дома?

Пит. Чтобы взорвать дом. Может, сейчас они возятся под твоим домом или вот под этим домом.

Лоренцо. Интересно, почему эти двое белых не побоялись прийти в черный квартал после наступления темноты? Вот бы прикончить ту парочку, тогда они не будут такими смелыми!

Джуанита. Пожалуй, я позвоню домой. *(Идет в служебное помещение.)*

Пит. Попроси мать, пусть позвонит моим.

Лоренцо *(с горечью)*. И пусть его мать позвонит моим.

Джимми. И передаст всем, у кого нет ружей или собак, чтобы они не высывали носа к себе на веранду!

Лоренцо. Пусть передаст всем, чтобы они упали на колени и, как щитом, прикрылись Библией. Уж Библия-то у каждого из них есть.

Меридиан подошел к двери и смотрит на улицу

Правда, Меридиан?

Матушка Генри. Тс-с.

Слышно, как Джуанита говорит по телефону. Потом — тишина. Свет на сцене меркнет, в полумраке вырисовываются лишь силуэты студентов. Луч света падает на Меридиана. Вдалеке слышится тоскливый перебор гитары, это играет Ричард.

Хлопнула дверца машины. Молодые голоса, пожелания доброй ночи. Появляется Ричард, он одет так же, как в предыдущей сцене.

Ричард. А, папа. Ты еще не спишь?

Меридиан. Нет. Не спится. Как ты провел день?

Ричард. Неплохо. Я уже забыл здешние ночи. В большом городе никогда не видишь звезд... не слышишь этих милых деревенских звуков...

Меридиан. Сверчки, цикады и всякие мошки ползают, летают, хлопчуют, шелестят в листве.

Ричард. Господи, если бы я не уехал, я, наверно, был бы уже женат на нашей Джуаните, народил бы парочку ребят и сидел бы здесь так вот каждую ночь. Просто бред!

Меридиан. Тебе еще не поздно жениться на Джуаните. Может, она тебя и ждала.

Ричард. А ты подумывал, не жениться ли тебе опять?

Меридиан. Да, подумывал.

Ричард. Не собирался жениться на Джуаните?

Меридиан. Почему ты спрашиваешь?

Ричард. Потому, что хочу знать.

Меридиан. А зачем тебе знать?

Ричард. А зачем тебе скрывать? Я уже взрослый, папа, и имею право знать правду. Хочу наверстать упущенное. Может быть, и тебе следует наверстать упущенное.

Меридиан. Да. Я хотел жениться на Джуаните. Но никогда ей этого не говорил.

Ричард. Правда?

Меридиан. Да.

Ричард. Почему ты не говорил мне правду раньше? Почему не сказал, что мать убили? Ее ведь столкнули с лестницы.

Меридиан. Ричард, твоя мать умерла. Люди умирают по-разному. Они умирают, когда приходит их час. Твоя мать любила тебя, но ее не стало — и я уже ничем не мог ей помочь. Надо было думать о тебе. Я не хотел, чтобы ты был... отравлен... бессмысленными и

страшными подозрениями. Не хотел губить твою жизнь. Я знал, что жизнь у тебя и так будет не из легких. И вот... я тебя отпустил. Думал, тебе будет легче, если отпущу. Я не хотел, чтобы ты рос в этом городе.

Р и ч а р д. Но ведь это не все, папа. Ты не хотел, чтобы мне, глядя на тебя, было стыдно. Ты ничего не мог прочесть у меня в глазах и не мог этого вынести, я угадывал это по тому, как ты на меня иногда поглядывал. Разве не так?

М е р и д и а н. Я думал, тебе будет лучше. Мне казалось, что для меня все уже кончено. И я решил, что мой долг перед твоей матерью и перед такими женщинами, как твоя мать,— постараться изменить, сделать лучше этот город, ведь здесь она родилась. Здесь мы были так счастливы, и она его так любила. Наверно, я ошибался. Ошибался.

Р и ч а р д. Ты жил только для других, правда, папа? С того самого дня. Около тебя никого не было, ты был так одинок.

М е р и д и а н. Да. Не было. Постарайся меня простить.

Р и ч а р д. Тут нечего прощать. Я споткнулся, папа, но я понимаю, что произошло. Я начну все сначала. *(Пауза. Ричард вынимает револьвер.)* На. Бабушка его утром увидела и очень огорчилась. Ты уж побереги его для меня. Спрячь, пока я не попрошу, ладно? Но когда я попрошу, ты мне его дашь. Ладно?

М е р и д и а н *(берет револьвер)*. Ладно. Я горжусь тем, как мужественно ты перенес... все, что тебе выпало на долю.

Р и ч а р д. Пойду посплю. А ты идешь домой?

М е р и д и а н. Еще нет.

Р и ч а р д. Спокойной ночи... Папа!

М е р и д и а н. Да?

Р и ч а р д. Значит, ты не против, чтобы мы с Джуанитой поженились?

М е р и д и а н. Это прекрасная мысль.

Р и ч а р д. Ну, утро вечера мудренее. Спокойной ночи.

М е р и д и а н. Спокойной ночи.

Ричард уходит.

После его ухода свет снова падает на студентов.

Д ж у а н и т а. Господи, какой дождь пошел.

П и т. Боишься испортить прическу?

Д ж у а н и т а. Вот уж нет. Я решила больше не делать прически — пусть волосы растут, как бог дал.

Л о р е н ц о. Ну и ну!

П и т. С этой девицей происходят загадочные перемены.

М е р и д и а н. Ничего удивительного. Все мы меняемся.

Д ж и м м и. Спокойной ночи, до завтра. Кажется, предстоит бурный денек.

М е р и д и а н. Да, перед нами бурные дни. Вам всем надо выспаться.

Д ж у а н и т а. Как ты доберешься до дому, Джимми?

Д ж и м м и. Пит нас развезет.

Д ж у а н и т а. А потом?.. Ты поедешь домой один, Пит, в такую даль?

П и т. Ты сегодня что-то нервничаешь. Переночую у Лоренцо.

Л о р е н ц о. Ты можешь от меня позвонить домой.

М а т у ш к а Г е н р и. Тебе тоже надо поспать, Меридиан, уже четвертый час. Не задерживайся.

М е р и д и а н. Хорошо. Спокойной ночи.

М а т у ш к а Г е н р и. Спокойной ночи, детки. Бог даст, завтра утром увидимся.

Все уходят. Меридиан идет к своей кафедре, кладет руку на Библию. Входит Парнелл.

П а р н е л л. Я слышал, сегодня вечером вашим здорово досталось.

Меридиан. То ли еще будет. Может быть, я был неправ, когда не дал нашим вооружиться.

Парнелл. Стоит неграм вооружиться, и их же перебьют. Сами знаете.

Меридиан. Их и так убивают. И я ни в чем не уверен. Я думал, что уверен... но теперь сомневаюсь.

Парнелл. Что с вами? Что будет с людьми в этом городе и с этой церковью, если вы растеряетесь?

Меридиан. Может быть, моя паства найдет такого пастыря, который их куда-нибудь приведет.

Парнелл. Пастыря с ружьем?

Меридиан молчит.

Вы этого хотите?

Меридиан. Я христианин. Я был им всю свою жизнь, как моя мать и мой отец до меня и как их матери и отцы до них. Конечно, если мы вернемся в прошлое, когда еще Христа не было, в те времена, я думаю, людей с черной кожей не заставляли подставлять другую щеку в надежде попасть в рай. Нет, тогда они не склоняли головы. До рождества Христова. Они ходили по земле, как все люди, и, когда умирали, отправлялись не в рай, а к праотцам. Мой сын умер, но он не отправился к праотцам. Он был грешник, а значит, попал в ад, если верить священному писанию. Неужели это такой уж прогресс, такой шаг вперед по сравнению с тем, что было до рождества Христова? Я много думал, мне пришлось думать, — стал ли бы я таким хорошим христианином, если бы не родился с черной кожей? Может быть, мне пришлось стать христианином, чтобы сохранить хоть какое-то человеческое достоинство. Если я не человек в глазах людей — я могу стать человеком в глазах божьих. Но мою жену это не спасло. Она умерла слишком рано, и мы до сих пор не знаем как. Это не спасло моего сына — он убит, и мы отлично знаем как. Это ничего не изменило у нас в городе — где белого христианина и днем с огнем не сыщешь. Око господне — а может, оно слепо, это око?.. Я раньше никогда не позволял себе таких мыслей.

Парнелл. Меридиан, вы не можете быть тем, кто даст сигнал к кровопролитию.

Меридиан. Вы хотите, чтобы я был тем, кто равнодушно смотрит, как его народ избивают, заковывают в цепи, морят голодом, мучают, режут?

Парнелл. Раньше вы говорили, что ваш народ — это все люди на свете, все люди, которых создал или еще создаст господь бог. Вы говорили, что ваша раса — все человечество.

Меридиан. Человечество!

Парнелл. Таким я вас еще не видел. В вашем голосе звучит что-то, чего я никогда не слышал... ярость... даже ненависть...

Меридиан. Нет, слышали. Вы просто не прислушивались. Вы слышали это во всех наших блюзах, псалмах и песнопениях, которые, по вашим словам, вы так любите.

Парнелл. Я говорю о вас, не об истории вашего народа. У нас ведь тоже есть своя история, и не думайте, будто в ней я не слышал тех же звуков. Может быть, ничего другого я в ней и не слышал. Может быть, моя жизнь не легче вашей.

Меридиан. Я наблюдал за вами всю эту неделю, пока мы ходили к начальнику полиции. Конечно, вы умеете с ним обходиться — ведь вы чувствуете свое превосходство над ним. Но у вас обоих больше общего друг с другом, чем у любого из вас со мной. И для вас обоих — я понял это впервые, я никогда не замечал этого раньше — речь шла просто о мертвом негритянском парне и о возникших в связи с этим сложностях. Он видел эти сложности в одном, вы — в дру-

гом. Но для вас обоих убитый не был человеком, моим сыном. От этого вы отмахивались.

Парнелл. Может быть, я вам показался черствым. Но вы ошибаетесь. Я не мог говорить иначе, Меридиан. Только так мы могли добиться, чего хотели. Да, я знаю начальника полиции лучше, чем вы, — ведь я белый. И могу заставить его слушать меня, потому что я белый. Вряд ли я намного лучше него. И знаю, что мы творили и продолжаем творить. Но вы должны быть милосердны к нам. Нам больше не на что надеяться.

Меридиан. Вы никогда не проявляли милосердия к нам.

Парнелл. Меридиан, поверьте, я сочувствую вашему горю. Мы с вами мужчины, друзья, несмотря на все, что нас разделяет. Мы прошли вместе слишком долгий путь, и слишком многое сейчас поставлено на карту, чтобы вы вдруг почувствовали себя черным, а я белым. Не вините меня. Не вините меня. Я его не убивал.

Меридиан. Мой сын тоже был ни в чем не повинен.

Парнелл. Если я прошу вас о милосердии... пожалуйста, поймите, постарайтесь понять, что не так легко преодолеть барьеры, отказываться от своих привычек... да, да, отказываться от привилегий! И если бы вы принадлежали к числу привилегированных, вам было бы ясно, о чем я говорю. И вопрос не в том, что хочешь что-то удержать, — твое имущество, твои привилегии стали частью тебя, вошли в плоть и кровь.

Меридиан. Тогда в чем же смысл нашей борьбы, где надежда? Если мистер Чарли не может измениться...

Парнелл. Какой мистер Чарли?

Меридиан. Это вы — мистер Чарли. Всякий белый — это мистер Чарли!

Парнелл. А знаете, чем больше вы говорите, тем больше я узнаю голос вашего сына, многим неграм здесь в городе он не нравился, но он говорил то, что им самим хотелось высказать, он говорил громко, во всеуслышанье, как он презирает белых.

Меридиан. Он не говорил того, что мне хотелось бы высказать. Может, потому, что был моим сыном. Мне было все равно, как он относится к белым. Мне просто хотелось, чтобы он жил, чтобы у него была своя жизнь. В судьбе черного, Парнелл, есть что-то, чего вам не понять. Если ты черный, если у тебя черный сын, тебе не до белых; ты думаешь только о том, как спасти своего ребенка. Вот почему я отпустил его на Север. Я сделал ошибку, потерпел поражение. Лайл взял и убил его.

Парнелл. Мы не знаем, убил ли его Лайл. Он отрицает.

Меридиан. Конечно отрицает... Но разве мы не знаем, что его убил Лайл?

Парнелл. Мы этого еще не знаем, мы можем только сказать — похоже, что это дело его рук. Но косвенные улики — ненадежная штука.

Меридиан. Да, когда белый убивает черного... Но если его убил не Лайл, то кто же?

Парнелл. Не знаю. Мы ведь не знаем, что это сделал Лайл.

Меридиан. Лайл не отрицает, что убил Старика Билла.

Парнелл. Не отрицает.

Меридиан. И мы знаем, как Лайл относится к цветным.

Парнелл. Да, конечно. С вашей точки зрения. Но с другой точки зрения, Лайл ничего не имеет против цветных. Он только...

Меридиан. Он только их за людей не считает.

Парнелл. Видите ли, даже и это не так. Он не считает, что они не люди... В конце концов, я же его знаю: он вспыльчив и далеко не самый умный человек на свете, но он не мерзавец, и он не жесток.

Он белый бедняк. Белым беднякам доставалось в наших краях не меньше, чем черным.

М е р и д и а н. Ради бога, избавьте меня от исторических справок! В смерти Ричарда виновен Лайл.

П а р н е л л. Послушайте, Меридиан, мы же не вправе даже в мыслях решать, что он виновен. Надо действовать строго по закону и посмотреть, какие против него есть улики.

М е р и д и а н. Какие же нужны еще улики?

П а р н е л л. Видите, вы рассуждаете, как рассуждают у нас в городе белые, когда судят негра.

М е р и д и а н. Когда же это было, чтобы негра у нас судили по-настоящему?

П а р н е л л. Одно не имеет отношения к другому. Надо забыть обо всем — обо всех прошлых несправедливостях. Мы должны начать все сначала или хотя бы постараться начать все сначала. Мы же не хотим мстить. Так или не так?

М е р и д и а н. Я не хочу мстить. Я ведь не прошу, чтобы мне заплатили сторицей... впрочем, сейчас это уже невозможно. Я только хочу, чтобы Лайлу внушили: он сотворил зло. Я только хочу, чтобы этот город заставили взглянуть в лицо злу, которое он поощряет, и обратиться от зла к добру. Ради этого я так долго здесь прожил.

П а р н е л л. Но если Лайл этого не сделал? Лайл мне друг — странный друг, но все же друг. Я его люблю. Я знаю, как он мучается.

М е р и д и а н. Как же он мучается?

П а р н е л л. Он мучается потому, что бродит, как слепой, сам не знает, что происходит у него в душе, не смеет себе в этом сознаться и не может взять себя в руки. Он не злодей. Я знаю, что не злодей, я знаком с ним почти всю жизнь. Со мной он совсем другой, чем с вами, Меридиан.

М е р и д и а н. А тот другой, кого вы знаете — настоящий? Тогда пойдите и спросите, не он ли убил моего сына.

П а р н е л л. Его спросят об этом на суде. Вот почему я и добивался суда. И там он скажет, что не виноват.

М е р и д и а н. Мне все равно, что он скажет на суде. Пойдите и спросите его вы. Если он ваш друг, он скажет вам правду.

П а р н е л л. Нет. Нет. Может и не сказать. Он... Он, пожалуй, немножко меня боится.

М е р и д и а н. Если вы его друг, вы поймете, правду он говорит или нет. Пойдите спросите его.

П а р н е л л. Не могу. Я его друг. Я не могу его предать.

М е р и д и а н. Но вы можете предать меня? Вы же белый, а? В конце концов просто еще один белый.

П а р н е л л. Если он даже признается, что убил,— какая разница? Присяжные все равно его никогда не осудят.

М е р и д и а н. Ах, вот почему вы добивались суда? Мне все равно, что решат присяжные. Я знаю: им он не скажет правды. Он не скажет правды мне. Но он может сказать ее вам. А я вправе ее знать. И вправе просить вас ее выяснить, раз вы единственный человек, который может ее выяснить. И мне нужно убедиться, были мы с вами все эти годы друзьями или же я был для вас столь дорогим вашему сердцу дядей Томом.

П а р н е л л. Вы отлично знаете, что это не так.

М е р и д и а н. Я больше ничего не знаю. Парнелл, даже того, что знал раньше. Может, я никогда ничего и не знал. Я очень сегодня устал. Идите домой.

П а р н е л л. Вы мне больше не верите, Меридиан?

Меридиан. Может, я никогда вам не верил. Не знаю. Может, я никогда себе не верил. Идите домой. Оставьте меня одного. Я должен подумать о своем прошлом.

Парнелл. Меридиан... то, о чем вы просите... я не могу этого сделать... даже для вас.

Меридиан. Я не хочу, чтобы вы это делали для меня. Я хочу чтобы вы это сделали для себя. Спокойной ночи.

Парнелл. Спокойной ночи.

Парнелл уходит. Меридиан идет к авансцене. Светает.

Меридиан. Мое прошлое! Господи... господи... господи, зачем я не умер за тебя... сын мой, сын мой!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Белый Город. Кухня в доме Лайла. Воскресное утро. Звонят церковные колокола. Толпятся гости.

Джо и женщина средних лет по имени Хейзел голько что выпули пирог из печи. Хейзел ставит его остынуть.

Хейзел. Стыд и срам — устраивать такую спешку. Но ничего не поделаешь.

Джо. Да. Я так расстроена. Никак не могу с собой совладать. Знаю, что это глупо. Знаю, что Лайлу ничто не угрожает.

Хейзел. Деточка, выбрось-ка все эти мрачные мысли из головы. Мы празднуем вашу маленькую годовщину сегодня, а не завтра вечером потому, что завтра твой муж может отлучиться по делам. Вот как надо смотреть на вещи. И не ходи тут с унылым видом, не портить настроение гостям. Я этого не допущу. Ты для этого слишком молоденькая и хорошенькая.

Лириан. Слава тебе, господи! Наконец-то я, кажется, освоила этот рецепт.

Сюзен. Какая прелесть! Дайте взглянуть.

Лириан. Я только раз его готовила, и это совсем не так просто. Главное — его нужно вовремя вынуть.

Сюзен. Я старалась, старалась, и ничего у меня не выходит! А вот тебе удалось на славу! Мы сегодня просто пальчики оближем!

Ральф. Ты ведь тоже должна что-то приготовить, а?

Сюзен. Я приготовлю наш пай дома, попозже. Здесь и так толчется слишком много поварих.

Джо. Я так рада, что вы все пришли, — вот спасибо! Хозяйничайте тут в кухне сколько влезет — успею убрать потом.

Элис. Ну, а Сюзен научилась готовить?

Ральф. Еще бы, она стала отличной поварихой. Посмотрите на меня — я никогда столько не весил.

Элис. Наш Лайл тоже пополнил за этот год. А что может быть лучше домашнего стола, ха-ха? Неужели вы уже целый год женаты? Честное слово, никак не думал, что Лайл выкинет такую штуку. А вот наша Джо его все-таки подцепила.

Священник Фелпс. Я их венчал, и если когда-нибудь видел счастливого человека, так это был долговязый Лайл Бриттен в тот день. Оба они тогда точно светились.

Джордж. Я бы предложил за них тост, не будь сейчас воскресное утро и не сиди тут его преподобие.

Священник Фелпс. За счастливую пару не грех выпить в любой день и в любой час.

Элис. Ай да его преподобие! У вас что-нибудь найдется выпить за ваше счастье, миссис Бриттен?

Джо. Наверно, найдется. Жаль, Лайл еще не встал. Он никогда еще не спал так долго.

Элис. Чего нет, того нет, он не соня. Во всяком случае, пока не напьется до одури, ха-ха! У нас с ним это бывало, пока он не взялся за ум и не женился.

Джордж. Пусть спит на здоровье. Когда совесть чиста — и сон крепок.

Джо. Знаете, Лайл никогда не сидит сложа руки — пропадает в лавке ночи напролет, строит всякие планы, что-то подсчитывает, с осени он хочет расширить торговлю, в лавке все будет новенькое, как с иголки. Вы ее не узнаете.

Элис. Лайл весь в своего папашу. Он молодчина. Чем труднее дело, тем верней, что Лайл Бриттен его осилит. А папаша его так и не постарел. До самой смерти пил, бегал за юбками — и умел добиться своего! Я бы вам мог порассказать про старика — конечно, не сейчас, в воскресное утро, да еще в присутствии женщин!

Джо. Прошу, господа. Надеюсь, вы все пьете виски.

Ральф. Она еще спрашивает!

Джордж. Дамы! Не желаете ли присоединиться к нам и поддержать этот утренний тост за счастливую, всеми любимую и любящую пару, за мистера и миссис Бриттен, в канун первой годовщины их свадьбы?

Элис. Новобрачного нет среди нас — он устал от своих обязанностей, как общественных, так и личных. Ха-ха! Но он славный парень и многое для всех нас сделал — знаю, вы понимаете, о чем я говорю, вот и выпьем за его здоровье и за здоровье его прелестной молодой жены. Дамы! Не заставляйте себя уговаривать, его преподобие Фелпс разрешает.

Сюзен. Мне только капельку, Ральф.

Лириан. Кажется, я никогда еще не пила в воскресенье так рано, да еще в присутствии моего пастыря!

Наливают, поднимают бокалы и поют «Он, празо, отличный парень».

Хейзел. Ну вот видите, довели ее до слез. Послушай, детка, выпила бы и ты глоточек.

Джо. Вы все такие хорошие. Не представляю себе, как это Лайл может сейчас спать. Спасибо, Хейзел. *(Пьет.)* За вас, за всех. Слышите? Они там поют.

Все прислушиваются.

Хейзел. Иногда у них так мило получается. Когда я была девушкой, у меня от их пения просто горло перехватывало.

Элис. Что случилось с нашим городом? Здесь было так тихо, все друг с другом ладили, никогда никаких неприятностей.

Джордж. Ну, маленькие неприятности порой и бывали, но в общем пустяки. Черномазые вели себя, как полагается. Всегда, бывало, найдешь черномазого, чтобы поймать другого черномазого.

Лириан. Вот-вот. У них была своя жизнь, у нас своя, и все шло, как велел господь.

Джо. Раньше мне никогда не бывало страшно у нас в городе, никогда. Все они были будто свои. И я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь обижал цветных, а вы? И они огнюдь не вели себя, как обиженные. А теперь, стоишь мне выйти на улицу, как меня просто страх берет: вот-вот что-то случится. И с чего это цветные вдруг стали нас так ненавидеть? Они ж нам всем обязаны.

Священник Фелпс. Их совратили с пути истинного. Они отвернулись от бога. А так они простодушные люди, добрые и покладистые.

Но легко поддаются посторонним влияниям и теперь прислушиваются к словам всяких коммунистических выродков, которые проповедуют расовое смешение. Они и не понимают, какую страшную беду могут накликать на самих себя... и на всех нас.

Дж о. Кто их знает, что у них на уме? Кажется, знаешь этих цветных с самого детства, а теперь боишься их нанимать, боишься с ними разговаривать... не знаешь, что у них на уме.

Э л и с. Я-то знаю, что у них на уме.

С ю з е н. Ральф говорит, что у нас не лучше, чем в коммунистических странах. Там живут в страхе. А у нас не хотят, чтобы в школах учили закон божий, посылаешь ребенка в школу и так и ждешь, что какой-нибудь безбожный атеист будет забивать ему голову всякой мерзостью. И ребенок ему поверит — разве дети в этом разбираются?.. А теперь еще нас хотят заставить посылать детей в школу вместе с черномазыми! Все знают, что ничего путного из этого не выйдет: никто не получит образования — ни белые, ни черные. Черномазые-то не могут учиться, как белые, — у них совсем другие интересы.

Э л и с. У них один интерес. Да и тот пониже пояса.

Д ж о р д ж (смеясь). А вам попадались метисы? Хуже их нету. Их даже свои не признают, никто их не признает, и ничего с ними нельзя поделывать: негра еще можно припугнуть, а вот метиса — того ничем не проймешь.

С в я щ е н н и к Ф е л и с. Это потому, что они помесь. А беспородная помесь — самый низкий вид животного мира.

Э л и с. Миссис Бриттен, вы замужем, и все женщины в этой компании замужние, и вы, конечно, видели вашего мужа в чем мать родила. Но вот видели вы когда-нибудь черномазого в чем мать родила? Нет, наверно, не видели. Так вот, он совсем не такой, как белый мужчина.

Д ж о р д ж. Правильно.

Э л и с. Так вот, миссис Бриттен, если бы вас изнасиловал орангутанг в джунглях или жеребец, это было бы все равно, что черномазый. Вы были бы уже ни на что не годны. Можете мне поверить.

Д ж о р д ж. Правильно.

Р а л ь ф. Вот почему мы, мужчины, должны быть так бдительны. Вы ведь знаете, мне часто приходится не бывать дома по ночам, поэтому я купил Сюзен револьвер и научил им пользоваться.

С ю з е н. И поверите, я сейчас стреляю совсем не плохо. Ральф говорит, что может мной гордиться.

Р а л ь ф. Она совсем как жены наших предков — пионеров.

Х е й з е л. Я ужасно рада, что Эстер всего этого не видит. Она бы умерла со стыда. Помните ее, какая чудная была негритянка. Она нас, в сущности, и вырастила, баюкала по ночам, а уж какие сказки умела рассказывать — от них мурашки по телу бегают и хочется не то плакать, не то смеяться. Ну какая же она была замечательная! За все время, что у нас жила, я не слышала от нее сердитого или грубого слова. Всегда была такая ровная. И, наверно, понимала меня лучше моих собственных отца с матерью. Я говорила ей все. А потом одного из ее сыновей убили — он пошел по дурной дорожке, как этот парень, которого они сегодня хоронят, — и она заболела. Я за ней ухаживала, я мыла эту женщину своими собственными руками. Как-то раз она мне даже сказала: «Мисс Хейзел, вы как светлый ангел, родные не сделали бы для меня больше, чем сделали вы». Замечательная была старуха!

Д ж о. Кажется, Лайл просыпается.

Сюзен. Миссис Бриттен, смотрите, к вам еще гость. Да это же Парнелл Джеймс! Интересно, трезвый он сегодня с утра или нет. На вид он всегда пьяный.

Элис. Да и ведет себя как пьяный.

Входит Парнелл.

Парнелл. С добрым утром, люди добрые! С добрым утром, ваше преподобие! Как приятно видеть наших братьев и сестер, идущих в ногу. Или — в данном случае — стоящих в ногу... что-то в этом роде, я подзабыл священное писание. А служба в церкви уже кончилась? Или вы служите ее здесь?.. Здравствуйте, Джо.

Джо. Здравствуйте. Садитесь, я налью вам кофе.

Джордж. Кажется, это вам не помешает.

Священник Фелпс. А мы как раз собрались уходить.

Парнелл. Пожалуйста, не уходите из-за меня, ваше преподобие. Продолжайте, молитесь или пойте, как вам подсказывает дух божий. Да, я бы выпил кофе, Джо.

Элис. Не ложились всю ночь?

Парнелл. А что, заметно? Да, не ложился всю ночь.

Элис. Небось кутили, пари держу! Пили и гуляли с женщинами?

Парнелл. Вы мне льстите. И отгадывать вы не мастер. Вы, наверно, всегда проигрываете в покер. Советую вам никогда не держать пари. Я не кутил, я сидел дома и работал.

Джордж. Вы уже были сегодня на той стороне? На похоронах черномазого?

Парнелл. Нет, похороны назначены на вечер. Да, я там буду. Хотите присоединиться? Если, конечно, оставите дома свою дубинку.

Джо. Мы слышали пение...

Парнелл. Негры только и делают, что поют. Вы же знаете. С чего вы взяли, что там похороны?

Джо. Парнелл, вы просто невозможны!... Кому-нибудь налить кофе? Он еще горячий.

Элис. Мы слышали, что убили черномазого. Вот мы и подумали, что его, наверно, хоронят.

Джордж. Они ведь тоже хоронят своих мертвых?

Парнелл. Хоронят то, что не досталось собакам.

Пауза.

Элис. Собакам?

Парнелл. Да, знаете, есть такие животные. С острыми зубами. Лают. От них страшный шум.

Элис. Многие у нас в городе хотели бы знать, Парнелл, как вы смотрите на некоторые вещи.

Парнелл. А вот так и смотрю. Почему вы не читаете мою газету?

Лириан. Стану я руки марать этим коммунистическим листком!

Парнелл. Вот как! Но отец вашей веры, основоположник той церкви, драгоценнейшим украшением которой вы являетесь, был коммунистом, может быть, первым коммунистом. Может, он даже кутил. Известно, что он пил вино. И якшался с дамами легкого поведения и пьяницами. Все это написано в евангелии, не правда ли, ваше преподобие?

Священник Фелпс. Вы меня не втянете в вашу кощунственную болтовню. Элис спросил вас о том, что хотели бы знать многие, — вы с нами или против нас? Он выражает наше общее мнение. Мы слишком долго мирились с вашим безответственным поведением. Дольше терпеть его мы не намерены. Вам ясно, что я имею в виду?

Парнелл. Нет. Если вы мне угрожаете, выражайтесь яснее. Во-первых, в чем вы видите мое безответственное поведение, которое вы

больше не хотите терпеть? А если вы не хотите терпеть, то что вы намерены сделать? Вывалить меня в дегте и перьях? Обварить меня кипящим маслом? Кастрировать? Или сжечь? Или закутаться в белые простыни и зажечь крест против моего дома? Выкладываете, ваше преподобие, не стойте, разинув рот,— так вы еще противнее, чем когда он закрыт: меня тошнит от запаха ваших гнилых зубов. Ну, валяйте! Что у вас на уме?

Элис. Вам многое сходило с рук, Парнелл, из-за того, что ваш отец был здесь большим человеком.

Парнелл. Не все сразу. Я разговариваю с вашим духовным вождем.

Сюзен. Да он хуже всякого черномазого.

Парнелл. Спасибо за комплимент. Зато о вас этого не скажут... Итак, ваше преподобие?..

Священник Фелпс. Я полагаю, что выражу не только свое, но и общее мнение, если заявлю, что положение здесь стало слишком серьезным для такой развязности и цинизма. Пока у нас еще царил порядок, мы не обращали внимания на ваше поведение и к вашей газете относились спокойно — мы ее все равно никогда не читали.

Элис. Мы знали, что вы просто избалованный папенькин сынок, богач и бездельник.

Священник Фелпс. Вот вы и затеяли эту газету и стараетесь привлечь к себе внимание своей подрывной деятельностью. Я искренне рассчитывал на то, что вы выйдете из пеленок!

Джордж. Или смоетесь на Север!

Священник Фелпс. Я-то знаю, что ваш отец и ваша мать смотрели на вещи не так, как вы. Меня часто приглашали к вам в дом, пока они были живы.

Парнелл. О, незабвенные дни! А на что же они смотрели не так, как я?

Хейзел. На чистоту белой расы.

Парнелл. Чистота белой расы! Леди и джентльмены, ну кому какое дело, с кем вы спите? Если уж на то пошло, отправляйтесь хоть в болото и совокупляйтесь там со змеями. Мне будет на это наплевать, да и всем будет наплевать. Конечно, змеи могут не захотеть с вами спать, но это уж ваша забота, ваша и змей, и решить этот вопрос будет довольно легко... Я никогда и словом не обмолвился о чистоте белой расы. Я говорил о социальной справедливости.

Лириан. Но это же коммунистическая пропаганда!

Парнелл. Это значит, что, если у меня есть сто долларов и я черный, а у вас тоже есть сто долларов и вы белый, я могу купить на мои сто долларов — на мои **черные** сто долларов — столько же, сколько вы можете купить на свои **белые** сто долларов. И еще это значит, что я должен иметь одинаковую с вами возможность заработать сто долларов...

Элис. Черномазый может найти работу не хуже белого. Черт побери, некоторые черномазые зарабатывают больше меня.

Парнелл. Есть черномазые толковее вас, Элис. Куда толковее. И куда симпатичнее. А найти работу черномазому трудней, чем белому, и вы это знаете.

Элис. Что им мешает? У них есть руки...

Парнелл. Вот вы, Элис, вы же не работаете руками — вы приказчик в обувном магазине. А ваш хозяин не взял бы на эту работу черномазого.

Джордж. Ну и правильно, черт побери, нужно отдавать белому предпочтение перед черномазым. Это в порядке вещей.

Парнелл. Почему?

Входит Лайл.

Лайл. Что за шум у меня в доме?

Джо. Вот и Лайл! С добрым утром! У нас гости — зашли тебя проведать.

Лайл. А мне слышалось, будто они вот-вот подерутся. С добрым утром, ваше преподобие, очень рад вас видеть. Простите, что проспал, но жена вам, верно, сказала, что последнее время я мало сплю. А уж если засну, она не хочет меня будить.

Священник Фелпс. Не извиняйтесь, сын мой, мы все понимаем. Мы только зашли, чтобы сказать, мы — с вами и каждый белый в нашем городе — с вами.

Джо. Правда, мило с их стороны, Лайл? Они уже здесь довольно давно, и мы так славно провели время.

Лайл. И правда это очень мило, ваше преподобие... А, Элис! И старина Джордж! И Ральф и Сюзен, ну как, нравится вам семейная жизнь? Верно, нравится, если вас нигде не видно, ха-ха! Здравствуйте, миссис Проктор, миссис Баркер. А! Старина Парнелл! А ты чего вскопчил в такую рань?

Парнелл. Я было пошел в церковь, но оказалось, что весь приход тут. Вот я и присоединился к молящимся.

Лайл. Шел в церковь, скажет тоже! Ручаюсь, что ты еще не ложился.

Парнелл. Верно, еще не ложился.

Лайл. Господа, вы не возражаете, если я наскоро позавтракаю? Джо, принеси поесть! Сюзен, ты здорово пополнила и порозовела, ты от нас ничего не скрываешь, а?

Сюзен. Нет, что ты, Лайл.

Лайл. Не знаю, но ты стала... как спелый персик, так и хочется съесть. Надеюсь, Ральф, ты не ленился? Поглядите, как она краснеет. Нет, жаловаться ей, видно, не на что.

Элис. Не знаешь, когда за тобой завтра придут?

Лайл. Вероятно, с утра. Не могу сказать.

Священник Фелпс. Я виделся вчера с начальником полиции. Он действительно этого не хочет, но у него связаны руки. Приказ свыше, с Севера.

Лайл. Еще бы, я знаю, старине Фрэнку вовсе не хочется меня арестовывать. Я все понимаю и не волнуюсь. Ведь люди у нас в городе на моей стороне. Чего мне волноваться?

Элис. Эти там настаивают, чтобы черномазых ввели в число присяжных, вот что я слышал. Говорят, иначе не будет справедливого суда.

Хейзел. Вы слышали что-нибудь подобное?

Лайл. Где они найдут этих черномазых?

Элис. О, твой дружок Парнелл, наверно, все это уже обтяпал.

Лайл. Что скажешь, Парнелл? Подберешь черномазых в присяжные?

Парнелл. К сожалению, это от меня не зависит. Но я бы мог порекомендовать кое-кого.

Джордж. А как они доберутся до здания суда? Вы будете их охранять?

Парнелл. Их будет охранять полиция. Или войска штата...

Джордж. Ох, не смешите нас!

Парнелл. Или судебные исполнители федерального правительства.

Джордж. Послушайте, вы в самом деле считаете, что в числе присяжных должны быть черномазые?

Парнелл. Конечно, и вы бы считали, будь у вас голова на плечах. Прежде всего, в нашем городе сорок четыре процента населения — негры.

Элис. Но они же не голосуют. Большинство.

Парнелл. Ну что ж. Этим тоже следовало бы заинтересоваться федеральному правительству. Почему они не голосуют? У них есть руки.

Элис. А еще уверяете, будто Лайл ваш приятель...

Парнелл. Лайл и есть мой приятель. Поэтому я и хочу, чтобы его беспристрастно судили.

Хейзел. Вы уж меня извините, но я не могу больше этого слушать! Душенька, вечером увидимся. Хорошо?

Священник Фелпс. Мы все уходим. Нам просто хотелось вас проведать и сказать, что вы можете на нас рассчитывать.

Лайл. Я очень тронут, ваше преподобие, и очень вам благодарен. У меня даже на душе полегчало. Хоть я и знаю, что ничего плохого не сделал, все равно положение у меня незавидное. Если бы не моя Джо, не знаю, что бы со мной было! До свиданья, миссис Баркер и миссис Проктор. Пока, Джордж, рад, что ты зашел. Смотри, Ральф, береги Сюзен! И первенца назови в мою честь — может, тебе еще придется привести его в тюрьму, чтобы я на него поглядел!

Сюзен. Брось ты эти глупости! Все обойдется.

Лайл. Ты уверена?

Сюзен. Ручаюсь. Они не посмеют, просто не посмеют что-нибудь с тобой сделать!

Лайл. Тогда хорошо. Тебе я верю.

Сюзен. Попробуй только не верить!

Элис. Помни, Парнелл, что мы тебе сказали.

Парнелл. До скорого, Элис.

Лайл. Давай-ка лучше повидаемся, как только вся эта грязная история кончится.

Элис. Само собой. Да эта история вроде уже кончилась, мы им не дадим тянуть! А я знаю одну такую штуку, она начисто выбьет это у тебя из головы, да, пожалуй, и все остальное тоже, ха-ха! Всего доброго, миссис Бриттен!

Джо. До свиданья. Спасибо, что зашли.

Хейзел, Лилиан, Сюзен, Ральф, Элис, Фелпс и Джордж уходят.

Лайл. Славные люди...

Джо. Очень.

Парнелл. Они действительно хорошо к тебе относятся.

Лайл. А ты, часом, не завидуешь, милый? Нет? Дело в том, что у всех нас одни и те же заботы, а ты об этих заботах и понятия не имеешь — тебе ведь никогда не приходилось думать, как заработать на хлеб. А я... Мне пришлось гнуть спину с малолетства. И моим мамаше и папаше до меня, упокой господи их душу, а ихним мамаше и папаше до них. Они надрывались в поле, а поле не давало им ничего. Ничего, кроме пустого брюха да тощих с голодухи ребят. Один я не помер в детстве, вышел в отца — тощий, как жердь, но крепкий, что твой камень. А уж упрям он был! Господи, да такого упрямца свет не видывал! Ему бы пораньше родиться. Родись он пораньше, когда это была еще свободная страна и человек мог зашибить деньгу, я бы рос таким же богатеньким, как ты, Парнелл, а может, и побогаче. Уж поверь, старик бился, как рыба об лед. Работал потяжелее любого негра. Вот и оставил мне лавку.

Джо. А как ты думаешь, мы сможем оставить ее нашему малышу?

Лайл. Мы оставим ему побольше. Нашему малышу не придется думать о завтрашнем дне. Я хочу, чтобы он стал богатым, ну хотя бы как Парнелл, и получил образование получше, чем его папаша, и даже лучше, чем Парнелл!

Парнелл. Ты хочешь послать его учиться в Швейцарию?

Лайл. Ты-то ведь там какое-то время учился?

Джо. Вот там он и набрался своих завиральных идей!

Парнелл. Верно. Так что смотри, стоит ли тебе его посылать. У нас в школе были даже африканские принцы, и, признаться, они учились куда прилежнее меня.

- Л а й л. Африканские принцы? А какие они из себя? Небось громадные, черные, а вокруг шеи слоновые бивни?
- П а р н е л л. Кое-кто из африканцев носил украшение из слоновой кости на цепочке — на серебряной цепочке. А вообще такие же люди, как все. Им даже казалось, что они чуть лучше большинства из нас, ну, а швейцарские девушки в этом, как видно, не сомневались.
- Л а й л. Швейцарские девушки? Как, разве у этих черных не было своих женщин?
- П а р н е л л. Сколько душе угодно. Швейцарки, датчанки, англичанки, француженки, финнки, русские и даже две-три американки!
- Д ж о. Ну, про американок я не поверю! Разве что они хотели подражать иностранкам. Терпеть не могу, когда люди изображают из себя не то, что они есть.
- П а р н е л л. Да эти бедняжки ничего не изображали, а просто вели себя, как нормальные женщины! Африканцы ведь были настоящие мужчины, и никто их никогда в этом не разубеждал.
- Л а й л. Как, разве там не было африканских женщин? И швейцарцы терпели, что там все эти черномазые без своих женщин?
- П а р н е л л. По-моему, это их очень устраивало. Они были в восторге. У черномазых была уйма денег. Африканских девушек у нас училось немного, их воспитывают не так, как американок.
- Д ж о. И американские девушки водились с африканцами?
- П а р н е л л. Еще как! Африканцы великолепно танцуют.
- Л а й л. Ну, уж я дочь свою в Швейцарию не пошлю, ни за какие блага!
- П а р н е л л. А сына? Что, если ему приглянется маленькая африканская принцесса?
- Л а й л. Ну, сын — другое дело. Пусть, только бы потом бросил ее там.
- Д ж о. Почему — другое дело? Белым мужчинам тоже незачем путаться с черными бабами...
- Л а й л. Слушай, не заводись. Мужчины — совсем не то, что женщины, они не такие нежные. Мужчине можно то, чего нельзя женщине, сама знаешь.
- П а р н е л л. Вы слышали выражение «перебеситься»? Ну что же, все ваши знакомые мужчины здорово бесились, прежде чем остепениться и обзавелись семьями.
- Л а й л. Это факт. Такая уж у нас природа. Не то что у женщин. Вот Парнелл все еще никак не перебесится, а я уже остепенился.
- Д ж о. Значит, женщина, порядочная женщина, должна ждать, пока мужчине надоест валяться в постели со... шлюхами и он решит обзавестись семьей?
- П а р н е л л. Что ж, это несправедливо, но так повелось испокон веку. Порядочным женщинам всегда приходилось долго ждать, хотя никто, по-моему, не знает, как они коротали время.
- Д ж о. Парнелл!
- П а р н е л л. Но я знаю и таких, которые ждали чересчур долго.
- Д ж о. Мужчинам должно быть стыдно. Какое вы имеете право осуждать женщину, если она и... пошла по дурной дорожке? Если порядочная женщина не может найти порядочного мужчину, так бывает сплошь да рядом, ей ведь, в конце концов, надоест ждать!
- Л а й л. Нет, если ее воспитали в страхе божьем, как говорил мой папаша, осечек тут не бывает. Взять хотя бы тебя, разве тебе надоело ждать? И никто у нас в городе не скажет про тебя худого слова. Господи, как я дрожал, когда наконец решился сделать этой девушке предложение! Боялся, что она выставит меня за дверь. Ведь я был порядочный сорвиголова, пока жил холостяком. Вот Парнелл знает.
- Д ж о. Да, мне говорили.

Л а й л. Но она меня не прогнала. Я на нее поглядел будто в первый раз, знаешь, как это бывает, когда первый раз по-настоящему взглянешь на женщину. И подумал: будь я проклят, если я не добьюсь ее. А она на меня посмотрела даже ласково. Это я прочел у нее в глазах. И у меня словно с сердца камень свалился.

Д ж о. Нехорошо все это рассказывать при Парнелле.

Л а й л. Почему? От Парнелла у меня секретов нет, он мужчин знает. Нет, ты только погляди, как она покраснела! Я же тебе говорю, что женщины — штука деликатная. *(Легонько дотрагивается до ее щеки.)* Знаю, ты беспокоишься, лапушка. Не волнуйся. Все образуется, увидишь, мы с тобой опять заживем.

Д ж о. Дай бог, Лайл.

Л а й л. Пойду приму ванну и надену что-нибудь попримечнее. А ты, Парнелл, не смей уходить, слышишь! Я сию минуту. *(Выходит.)*

Д ж о. Вот чудак! На него даже трудно сердиться, все равно что на младенца! Парнелл! Можно задать вам один вопрос?

П а р н е л л. Пожалуйста.

Д ж о. Это правда, что у Лайла нет от вас никаких секретов?

П а р н е л л. Он уверяет, что у вас **обоих** нет от меня секретов!

Д ж о. Бросьте шутить. Лайл совсем не понимает женщин, того, что у них на душе. Мужчины понятия об этом не имеют. Но я хочу задать вам важный вопрос. Вы ответите?

П а р н е л л. Если смогу.

Д ж о. Значит, не ответите. Но я все равно спрошу. Парнелл... правда то, что люди говорят? Насчет Лайла? Будто он жил с женой Старика Билла и поэтому его застрелил?

П а р н е л л. Почему вы меня об этом спрашиваете?

Д ж о. Мне надо знать! Это правда, да? Он жил и с женой Старика Билла и со многими цветными у нас в городе. Это правда?

П а р н е л л. Что вам до того, с кем он спал, когда еще не был на вас женат? Я знаю, что он ходил к проституткам. Может, среди них были цветные. Когда он пьян, он не очень разборчив.

Д ж о. Он вам ничего не рассказывал?

П а р н е л л. А зачем он стал бы мне рассказывать?

Д ж о. Мужчины любят поговорить о таких вещах.

П а р н е л л. Мужчины могут пошутить насчет таких вещей. Но то, что один мужчина расскажет мужчине, да еще другу, нельзя рассказать женщине.

Д ж о. Да, вы все друг за друга стоите! Обидно, что у женщин этого нет. Ну, хорошо, вы не можете рассказать мне о Лайле. Но скажите вот что. У вас у самого когда-нибудь была связь с цветной девушкой? Настоящая, не на одну ночь... Я хочу знать, у вас было к ней какое-нибудь чувство, она вам нравилась, вы... любили ее? Могли бы вы на ней жениться, так же, как на белой девушке?

П а р н е л л. Джо...

Д ж о. Ах, скажите же мне правду, Парнелл!

П а р н е л л. Да, я любил цветную девушку. Кажется, любил. Но мне тогда было только восемнадцать, а ей семнадцать. Я еще не знал женщин. Думаю, что и она была девушкой. Многие из моих соучеников ездили по вечерам в негритянский квартал, к черным женщинам. Иногда их покупали за деньги, иногда брали на испуг, иногда насиловали... Мальчишки гордились своими победами, они только об этом и говорили. А я так не могу. После этих рассказов я стыдился собственного тела, своих чувств, стыдился того, что я белый...

Д ж о. Стыдились того, что вы белый?..

П а р н е л л. Да.

Д ж о. А как вы познакомились... с этой цветной?

Парнелл. Ее мать у нас работала. А та иногда заходила за матерью. Иногда ей приходилось ждать. Как-то раз я застал ее в библиотеке, она читала «Красное и черное» Стендаля. Я сам только что прочел эту вещь, и мы разговорились. Девушка была такая забавная — умненькая, серьезная и очень самолюбивая. Она очень боялась, боялась меня, но самолюбие не позволяло ей этого показывать. Ох, до чего же она была смешная! Но умная.

Джо. Красивая?

Парнелл. Тело у нее было цвета имбирного пряника, только что вынутого из печки. Я звал ее Имбирь. Потом. На самом деле ее имя было Пирл. У нее были черные волосы, очень черные и короткие, она старательно их причесывала. Потом я всегда ее дразнил, что она так ухаживает за своими волосами. Тут в городе есть одна девушка, которая мне ее напоминает. Ох, как же я ее любил!

Джо. А что случилось потом?

Парнелл. Бывало, гляжу на нее, как она движется — так свободно и красиво, — и думаю, что, когда ночью она откуда-нибудь возвращается домой, любой из моих соучеников по школе может сказать ей какую-нибудь гнусность... И тут же вспоминаю, что ничем не лучше их и у меня ведь мысли грязные. Я сначала не мог понять, как она относится ко мне. И не решался спросить. В конце концов я уже почти ни о чем, кроме нее, не мог думать. Мне до боли хотелось ее обнять, обнять и уберечь от всех, кто хотел погубить ее. Она иногда писала стихи и показывала их мне, но мечтала стать художницей.

Джо. Ну, а потом?

Парнелл. А потом ничего. Мы так подружились, что говорили друг другу все. Она будет художницей, а я писателем. Это была наша тайна. Ни один человек на свете, кроме меня, не знал, что у нее на душе, что она за человек и о чем мечтает. И ни один человек на свете, кроме нее, не знал, что у меня на душе, чего я хочу и о чем мечтаю. Но мы не могли загадывать о будущем, не смели. Мы поговаривали о том, чтобы уехать на Север, но я еще учился в школе, и она еще училась в школе. Нам нельзя было показываться вместе — это бы сразу ее опозорило. Я иногда встречал ее в кино в компании молодых негров. Постоянного кавалера у нее, по-видимому, не было. Они сидели на балконе, на местах для цветных, а я сидел внизу, на местах для белых. Она не могла спуститься ко мне, я не мог подняться к ней. Мы иногда встречались ночью где-нибудь за городом, но мне не хотелось обниматься с ней в кустах, а больше было негде. Как-то раз мы целовались в библиотеке, как вдруг вошла ее мать. В тот день я понял, как черные могут ненавидеть белых.

Джо. А что сделала мать?

Парнелл. Она не сказала ни слова, только посмотрела на меня. Посмотрела, и все. Но я видел, что творится у нее в душе. Она знала, что жаловаться моему отцу или матери бесполезно. От этого страдает только ее дочь — на нее падет тень. Она не смела пожаловаться мужу. Если он попытается вмешаться, его убьют. Со мной она ничего не могла сделать. Для нее я был просто белый хулиган, который лез под юбку к чернокожей девушке. Она поглядела на меня так, словно ей страстно хотелось стереть меня с лица земли. Я никогда не забуду этого взгляда. До сих пор его вижу. Она подошла к Пирл, и мне показалось, что она сейчас ее ударит. Но она не ударила, взяла дочь за руку и грустно сказала: «Я уже кончила». И повела Пирл из комнаты.

Джо. Вы ее потом видели?

Парнелл. Нет. Мать куда-то ее отослала.

Джо. Вы ее забыли? У вас, наверно, тут же появились другие девушки, сразу после нее?

Парнелл. Я ее не забыл.

Джо. И вы о ней вспоминаете, даже тогда, когда с вами Лоретта?

Парнелл. Не всегда, Джо. Но часто.

Джо. А если бы вы встретили ее опять?

Парнелл. Если бы я встретил ее опять?.. Да я бы на ней женился. Я бы народил детей, которых мне всегда хотелось иметь.

Джо. Ах, Парнелл! Если вы могли так к ней относиться, если вы так относились к ней все эти годы...

Парнелл. Да, знаю. С точки зрения белых, я — ренегат.

Джо. Значит, и Лайл мог испытывать такое же чувство к жене Старика Билла, к Вилле-Мей? А я знаю, что ко мне он относится не так. А если он был способен на такое чувство, он же мог застрелить Старика Билла, чтобы заткнуть ему рот!

Парнелл. Джо!

Джо. Да! А если он мог застрелить Билла, чтобы заткнуть ему рот, он мог убить и того парня. Мог убить! А если он это сделал — так это же убийство, правда? Просто-напросто убийство, даже если тот парень и был негр. Ох, Парнелл!

Парнелл. Джо, перестаньте. Перестаньте. Молчите!

Лайл (за сценой). Что вы там не поделили?

Парнелл. Я рассказываю твоей жене историю моей жизни.

Лайл (за сценой). Если послушать со стороны, то она была довольно бурной.

Парнелл. Вы ни разу его не спрашивали, Джо?

Джо. Нет. Нет. Нет.

Парнелл. Ну, а я его спросил...

Джо. Когда?

Парнелл. Правда, обиняком... Но он сказал, что нет, он этого не сделал, это неправда. Вы же слышали. Мне он врать не станет.

Джо. Нет. Вам он врать не станет. Говорят, кое у кого из черномазых есть оружие, вы об этом слышали?

Парнелл. Да. Слышал. Но это неправда.

Джо. И они ведь вам тоже не будут врать, а? Нет, я слишком много об этом думаю, просто с ума схожу от этих мыслей. Лайла так часто не бывает дома по ночам — он столько времени сидит в лавке. Понятия не имею, что он там делает. А домой приходит смертельно усталый и сразу валится спать.

Входит Лайл, держа на руках ребенка

Милый! Что за перемена! Ты принарядился, как раньше, когда за мной ухаживал!

Лайл. Ну, когда я за тобой ухаживал, я наверняка не таскал на руках ребенка. Он проснулся, что-то распевал и очень был занят своими пальчиками на ногах. У него такой вид, будто к его ножкам привязан целый фунт конфет! На. Ему, наверно, пора уже есть. Что ты так на меня смотришь? И вдруг стала такая ласковая?

Парнелл. Я читал ей лекцию о супружеских обязанностях.

Лайл. Ах вот оно что! Ну-ка, дружок, давай немножко пройдемся. Обещаю поставить рюмочку. Надеюсь, тебе не стыдно со мной показываться?

Парнелл. Нет, мне не стыдно с тобой показываться.

Джо. К ужину вернешься?

Лайл. Да, киска. Пошли.

Джо. Парнелл, и вы приходите ужинать вместе с Лореттой, если вам нечего делать. Мы будем очень вам рады.

П а р н е л л. Постараемся. Привет, Джо.

Д ж о. Привет.

Лайл и Парнелл уходят. Джо идет к окну, потом возвращается, с улыбкой склоняется над ребенком. Напевает:

Тише, тише, мой малыш спит, малютка!
Мама пересмешника принесет, погоди минутку.

Ну, пока что птичка тебе не очень нужна, да? Я знаю, что тебе нужно. Ладно, мамочка тебя сейчас покормит. *(Садится. Медленно расстегивает блузку. Напевает.)*

Если пересмешник в клетке петь не станет,
Алмазное колечко мамочка достанет.

Лавка Лайла. Сумерки. Л а й л и П а р н е л л слегка подвыпили.

Л а й л. С тобой это когда-нибудь бывает? Ну, конечно, бывает, не находишь себе места, и конец! Все у тебя есть, не на что будто и пожаловаться, а ты словно чем-то все равно недоволен. С тобой это когда-нибудь бывает? Ей-богу, мы, мужчины,— странный народ! Вот я и сейчас места себе не нахожу.

П а р н е л л. А что с тобой? Беспокоишься насчет суда?

Л а й л. Нет, насчет суда я не беспокоюсь. И даже на тебя нет у меня зла. Кое-кто из наших думает, что я должен иметь на тебя зло, а я не имею. Они ведь не знают тебя так, как я. Меня всеми твоими бреднями не проведешь. Оба мы с тобой белые, оба здешние и корешами были всю жизнь. Вот это идет в счет. И я знаю, ты не согласишься, чтобы со мной что-нибудь стряслось.

П а р н е л л. Приятно слышать.

Л а й л. Когда в городе начались беспорядки — еще до того, как убили этого ненормального, сразу как он приехал и начал устраивать скандалы,— я все чаще и чаще вспоминал Виллу-Мей. Право слово, она была для него слишком молода. Старику Биллу добрых шестьдесят, он для нее не годился! А все же в первый раз мне пришлось взять Виллу-Мей силком. Клянусь! Может, она испугалась. Но потом она уже не возражала. Нет! Нам было хорошо, уж поверь, и ей это нравилось не меньше, чем мне. Эй! Ты слушаешь меня?

П а р н е л л. Да, слушаю. Продолжай.

Л а й л. На чем я остановился?

П а р н е л л. Что ей это нравилось так же, как и тебе, чему мне трудно поверить.

Л а й л. Ха-ха! А я тебе говорю, что да. Я ни по ком так с ума не сходил, как по ней.

П а р н е л л. А когда Билл узнал?

Л а й л. Старик Билл? Да он ни в жизнь ни о чем бы не догадался, если бы люди не стали нашептывать ему. Сперва болтали потому, что папаша мой захворал и ей приходилось все время проводить у нас — кому-то надо было за ним ходить! Поначалу все говорили, будто она с ним крутит. Черт, да мой папаша бы с радостью, но разве ему было до того? Он тогда уж сильно ослаб и хотел только покоя. А потом люди стали болтать, будто это я.

П а р н е л л. Старик Билл когда-нибудь тебя об этом спрашивал?

Л а й л. Да как он мог меня спрашивать? Черт! Мы же были приятелями! Я не раз выручал его деньгами. А Вилле-Мей я всегда наваливал полную сумку еды, чтобы они, упаси бог, не голодали.

П а р н е л л. И Старик Билл ни разу тебе ни на что не намекнул? Ни разу? И не дал тебе повода заподозрить, что он знает?

Л а й л. Ну, бог его ведает, что у него было на уме! Разве поймешь, что у другого человека на уме?.. По внешности ничего не было заметно. И вел себя, как всегда. Черт, да я же говорю, что по годам она

могла быть ему внучкой! Вот я и подумал, может, его такое положение даже устраивает — когда я за него работаю, ха-ха! Ведь он-то, черт возьми, уже ничего не мог, а я, значит, не давал ему надорваться.

Парнелл. Тогда почему он был так зол на тебя в последний раз?

Лайл. Да я же тебе говорю — он обвинил меня, будто я его обжулил. А я в жизни не обжуливал ни одного черномазого. Не хочется зря говорить, ведь мы с ним всегда были друзьями, но я думаю, это папаша Джоэл на меня наговорил. Старик Билл сам бы не додумался — считать он был не мастер.

Парнелл. А зачем было папаше Джоэлу на тебя наговаривать?

Лайл. По-моему, он ревновал.

Парнелл. Ревновал? Виллу-Мей к тебе?

Лайл. Он ведь на самом-то деле совсем не старый. Но я уверен, что он вовсе не хотел... чтобы дело так обернулось... *(Пауза.)* Я как сейчас его вижу... ну и лицо же у него было, когда он вошел сюда в лавку!

Парнелл. У кого? Кто вошел в лавку?

Лайл. Ну кто? Конечно, Старик Билл! Как сумасшедший. Вот-вот меня убьет. Он и хотел меня убить. Черномазый псих!

Парнелл. А я думал, ты говоришь о том, другом. Но тот, другой, умер не у тебя в лавке.

Лайл. И Старик Билл умер не у меня в лавке. Он умер вон там, по-дальше, на дороге.

Парнелл. А я думал, ты говоришь о Ричарде Генри.

Лайл. О том ненормальном мальчишке?.. Да, он сюда приходил. Не знаю, что на него нашло, он видел меня до этого всего один раз.

И я обошелся с ним, ну, как обошелся бы... с любым человеком.

Парнелл. Да, слышал. Вы встретились в заведении папаши Джоэла. Он был окружен неграми, или, вернее, ты был ими окружен...

Лайл. Он там танцевал с одной из этих ненормальных девчонок, с такой хорошенькой черномазой девкой, не помнишь, как ее зовут?

Парнелл. Джуанита.

Лайл. Вот-вот.

Тихая музыка радиолы. Голоса. Смех.

Да. Он смотрел на меня так, словно хотел меня убить. И оскорбил мою жену. А я ведь не сделал ему ничего дурного. *(Чуть громче.)* Но я об этом все время думаю. И знаешь, что я думаю? Эй! Ты спишь?

Парнелл. Нет. Я тоже думаю.

Лайл. О чем ты думаешь?

Парнелл. О нас. Обо мне и о тебе.

Лайл. И что же ты думаешь о нас с тобой? Да и какой вообще смысл о нас думать? Всю жизнь мы с тобой дружили, не можем же мы перестать дружить?

Парнелл. Это верно, приятель. Что ты хотел мне сказать?

Лайл. Я думаю, что многие черномазые у нас в городе, особенно молодые, стали смутьянами. И, по-моему, они его науськивали.

Пауза. Музыка стихает.

Он заявился сюда как-то раз в понедельник, после обеда. Все об этом тут же узнали, новость обежала город быстрее, чем курица успеет кудахтнуть. Тебя случайно при этом не было, ты только что ушел.

Лайл встает, подходит к двери и распахивает ее. Помещение наполняется солнечным светом. Мы видим дорогу.

Джо (за сценой). Лайл, помоги мне внести детскую коляску. Тут становится жарковато.

Парнелл. Разрешите мне!

Лайл и Парнелл вносят детскую коляску. Входит Джо.

Джо. Ну и пекло! Обидно, что мы не поехали за город. Ей-богу, понять не могу, чего ради нам сидеть в этой лавке. Все равно никто не зайдет — во всяком случае, за покупками.

Парнелл. Я куплю жевательной резинки.

Джо. Вы не жуete резинку.

Парнелл. Ну, тогда я куплю сигарет.

Джо. Две пачки или три? Ничего, Парнелл, семейство Бриттенов как-нибудь выкарабкается и без этого.

Лайл. По дороге идут двое черномазых. Может, зайдут выпить кока-колы. (Уходит в глубь лавки.)

Джо. Нет, не зайдут. Наша кока-кола — отравка. Я встаю каждый день на рассвете и бросаю туда мышьяк.

Парнелл. Ну, тогда и я не буду пить. До свиданья, Джо. Пока, Лайл. Лайл (за сценой). До свиданья!

Парнелл уходит. Несколько секунд стоит тишина. Потом мы слышим, как Лайл начинает что-то прибывать в помещении за лавкой. Джо берет журнал и принимается читать. Голоса На дороге появляются Ричард и Лоренцо.

Ричард. Слушай, давай выпьем колы! Мне пить хочется.

Лоренцо. Пройдем немного дальше.

Ричард. Мы бредем уже целую вечность, во рту у меня сухо, как на этой проклятой пыльной дороге. Зайдем выпьем — минутное дело.

Лоренцо. Мы здесь не покупаем. Пошли...

Ричард. А-а! Это то самое место? Черт, интересно еще раз взглянуть на эту птицу, но не бойся, я ему не дам заработать больше десяти центов. Надо запомнить его лицо, чтобы, когда настанет час, попусту времени не терять. Чуешь? (Входит в лавку.) Эй вы, миссис Хей-хей-фей, вы торгуете кока-колой?

Джо. Что?

Ричард. Кока-кола! Мы вот с моим товарищем тянули баржи и таскали кули, да-да, именно, гнули спину. Нам надо освежиться. Напиток. Прохладительный. Ага.

Джо. Послушай, мальчик, что тебе надо?

Ричард. Бутылку кока-колы, сударыня. Будьте добры, сударыня!

Джо. Они вон там, в ящике.

Ричард. Душевно вам благодарен. (Берет две бутылки колы, откупоривает.) Ну, как хорошо! Чудесно! Скажите, вы их положили сюда в ящик своими собственными нежными ручками? От этого вода будет слаще!

Джо. С кем это вы так разговариваете?

Ричард. Сударыня, грешен, люблю поговорить с самим собой — время быстрее проходит. (Кричит в дверь.) Эй, Лоренцо, я взял тебе колу!

Лоренцо. Не хочу. Выходи-ка оттуда.

Джо. Платите двадцать центов.

Ричард. Двадцать? Пожалуйста. Пусть двадцать. Но неужели вы не научились говорить «пожалуйста»? Все мои знакомые женщины говорят «пожалуйста», правда, они не такие смазливые, как вы. Нет у меня двадцати центов, сударыня. У меня есть только двадцать долларов!

Джо. А помельче у вас не найдется?

Ричард. Нет, сударыня. Видите ли, я никогда не ношу с собой больше дснег, чем могу позволить себе потерять.

Дж о. Лайл!

Входит Л а й л, держа в руке молоток.

У тебя есть сдача?

Л а й л. Сдача с двадцати долларов? Ты же знаешь, что нет.

Р и ч а р д. У вас такая большая красивая лавка и прочее, и нет сдачи с двадцати долларов!

Л а й л. Еще рано, мы недавно открыли.

Р и ч а р д. Да не так уж рано. Я-то думал, что белые богаты во всякое время дня и ночи.

Л а й л. Если ты напрашиваешься на неприятности, можешь их схлопотать. А у того малого на улице нет двадцати центов?

Р и ч а р д. Тому малому на улице скоро двадцать четыре года, и у него нет двадцати центов. Нечего его и спрашивать.

Л а й л (у двери). Эй, малый, у тебя не найдется двадцати центов?

Л о р е н ц о. А ну-ка уходи оттуда, Ричард! Мне надоело здесь торчать!

Л а й л. Ты разве не слышал, о чем тебя спрашивают?

Л о р е н ц о. Мистер Бриттен, я не входил к вам в лавку, я ничего в вашей лавке не покупал, поэтому я не обязан вам отвечать, есть у меня двадцать центов или нет!

Р и ч а р д. Может, ваша жена сбегает домой и принесет сдачу? Я ведь знаю, дома у вас есть мелкие деньги. Верно?

Л а й л. Я никому не позволю командовать моей женой.

Р и ч а р д. Да ведь я только сказал, что вы — счастливец, раз у вас такая красивая жена. Я только сказал, что, может, она сбегает домой и посмотрит, нет ли там у вас дома мелких денег.

Л а й л. Где-то я тебя уже видел. Ну да, ты тот черномазый псих. Ты не из местных.

Р и ч а р д. Вы отлично знаете, что меня видели. И помните где. И когда. А родился я здесь, в этом самом городе. Я сын его преподобия Меридиана Генри.

Л а й л. Ты так это говоришь, будто имя твоего отца тебя спасет. От меня твой папаша тебя не спасет, ни он, ни тот парень на улице.

Р и ч а р д. От чего же меня надо спасать, а? Да еще в родном городе, в наших добрых старых Соединенных Штатах? Я зашел по дороге в деревенскую лавчонку выпить кока-колы и выяснил, что голодранец, который ее содержит, не может разменять бумажки в двадцать долларов. У вас, у господ, нет ни шиша, вы только народ надуваете!

Л а й л. Давай назад бутылки и убирайся отсюда.

Р и ч а р д. А я еще не допил. И денег не разменял.

Л а й л. Не буду я менять тебе деньги и не дам тебе допивать. Уноси отсюда свою черную задницу, живо! А если у тебя хватит ума, уноси ее и из нашего города.

Р и ч а р д. Ну, город этот — не твой, белая сволочь. У тебя нет за душой даже двадцати долларов. И не замахивайся молотком. Я его отниму и расквашу тебе голову.

Дж о. Лайл! Не задирайся ты с этим мальчишкой. Он псих! Я сейчас вызову шерифа. (Идет к задней двери, но тут же возвращается к прилавку.) Лайл! Присмотри за ребенком.

Р и ч а р д. Ах, у тебя есть ребенок? Долго же ты, наверно, трудился, маломощный ублюдок! Не верится, что ты вообще на это способен, погляди, как ты потеешь!

Лайл замахивается молотком. Ричард хватается за руку и отводит ее назад. Они борются.

Дж о. Лайл! Тут ребенок!

Лоренцо. Ричард! *(Входит в лавку.)*

Джо. Прошу тебя, уведи ты этого парня, уведи его скорей, он добьется, что его пристукнут.

Ричард выбивает из рук Лайла молоток и сшибает Лайла с ног. Молоток летит в угол. Лоренцо его поднимает.

Лоренцо. Думаю, вашему мужу больше не придется убивать черных. Во всяком случае, не сегодня, миссис Бриттен. Идем, Ричард. Пошли.

Лайл смотрит на них, лежа на полу.

Лайл. Вас было двое на одного. Запомните!

Лоренцо. Я до вас и пальцем не дотронулся, мистер Бриттен. Вы просто ему не ровня — даже такому мальчишке. Если у вас нет револьвера, вам с ним не тягаться. Пошли, Ричард.

Джо. Вас за это посадят! Посадят в тюрьму! На долгие годы!

Лоренцо. Мы и так уже долгие годы в тюрьме. Я оставлю ваш молоток в заведении папаши Джоэла — судя по всему, вы сегодня вряд ли сможете работать.

Ричард *(смеясь)*. Погляди-ка на этого силача! Плюхнулся задницей на пол, да еще на глазах у жены и наследника! Ну, кто, по-твоему, из нас сильнее? Ха-ха! Раса господ! Дай мне на часок этого чахлого белого цыпленка, и она узнает, кто тут господин! Ха-ха-ха!

Уходит. Смех Ричарда все еще слышен в темноте. На сцене снова Лайл и Парнелл.

Лайл. Черномазые еще долго потом надо мной потешались. Куда бы я ни пошел.

Парнелл. Но ты так и не обратился к шерифу.

Лайл. Нет.

Парнелл наливает обоим виски. Мы слышим пение.

Парнелл. Скоро начнутся похороны.

Лайл. И пусть каждый черномазый, такой, как этот черномазый, кончит, как этот черномазый, — мордой в чертополох. *(Пауза.)*

Парнелл. Разве он лежал лицом вниз?

Лайл. Да, дьявол его возьми, мордой вниз! Так сказано в газетах.

Парнелл. Разве об этом писали в газетах? Что-то не помню.

Лайл. Да. Писали.

Парнелл. Наверно, им пришлось перевернуть его на спину, чтобы опознать.

Лайл. Выходит, так. *(Смеется.)* Ага, выходит, так.

Парнелл. Мы ведь с тобой друзья, а?

Лайл. Конечно, друзья, до могилы.

Парнелл. Меня всегда удивляло, почему ты стал со мной дружить. Обычно бедные ребята ненавидят богатых. Меня всегда удивляло, почему в тебе нет этого чувства.

Лайл. Да, у меня его нет. Черт возьми, Парнелл, ты же умнее меня. Я это понимаю. И мне было интересно, чем ты умнее меня? Я с тобой подружился, чтобы узнать. Ведь ты, черт тебя возьми, не так уж отличался от меня в других отношениях, несмотря на все твои бредни. У нас с тобой было много общего — и выпивка, и распутство. Того и другого нам всегда было мало. Конечно, вино, которым ты напивался, было сортом получше. Ну а насчет баб — сомневаюсь, чтобы твои были лучше.

Парнелл. А ты все же выяснил, чем я умнее тебя?

Лайл. Ага. Ты просто богаче.

Парнелл. Богаче?.. И это все, что ты можешь сказать... насчет Ричарда Генри?

Лайл. А что же еще говорить? Подожди, пока кончится суд. Тогда тебе больше не о чем будет меня спрашивать!

Парнелл. Пора на похороны.

Лайл. Не беги. Не бросай меня одного.

Парнелл. Тебя ведь ждут домой к ужину.

Лайл. Подождут. Выпьем еще по одной, будь другом. Не бросай меня одного. Нет, ты слушай! Поют и молятся. Поют и молятся. И смеются над человеком у него за спиной!

В темноте продолжается пение. Черный Город. Церковь набита людьми. На кафедре Меридиан, внизу на носилках стоит гроб.

Меридиан. На душе у меня сегодня тяжело, как никогда. Я поднимаю свой голос из пучины горя и сомнения, каких еще не знал. И не один я, о господи, терплю это испытание. Все, до кого дойдет мой голос, и еще многие души, до которых он не дойдет, чувствуют то же, что чувствую я, содрогаются, как содрогаюсь я, и скорбят, как скорблю я. И не потому только, что настали черные дни, мы знали и раньше черные дни. И не потому только, что льется наша кровь и никто не протянет нам руку помощи, и не потому только, что детей наших губят на наших глазах. И не потому только, что каждый день и каждый час жизни нашей угрожают люди, среди которых ты повелел нам жить. Мы все это терпели, о господи, и делали то, что было не по силам даже древним пророкам,— и мы пели тебе хвалу на чужбине. На чужбине! Каковы ж были грехи наших предков во времена, давным-давно канувшие в забвение по ту сторону потопа, если их должны искупать столько поколений? И мы искупаем их здесь, на этих варварских берегах, на чужбине — искупаем кандалами, бичом, голодом и жаждой, смертью от пули и огня, петли и ножа. Да, те грехи, верно, были тяжелыми, преступления — безмерными. Но не прошлое тяготит нашу душу, а настоящее. Господи, на что нам надеяться? Что может тронуть сердце этого безрассудного народа, глухого ко всему, и заставит его прекратить душегубство? Когда услышат они откровение святого Иоанна? «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч, о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч, то извергну тебя из уст моих! Ибо ты говоришь: я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг». А теперь, о господи, когда приходит ко мне моя паства и вопрошает, какой путь ей избрать, язык мой нем и сердце мертво. Я не хочу покидать эту землю, эту чужую мне землю, ибо здесь дом мой. Но могу ли я взывать к своей пастве, чтобы она вечно сносила жестокости тех, кто были ее господами и кто теперь поистине стали их соплеменниками, их братьями и сестрами, их родней? На что может надеяться народ, который отступает от своих деяний и отвергает своих соплеменников во имя чистоты и любви, во имя Христова? Какой нужен могучий свет, о господи, чтобы победить столь непроглядную тьму? Тьма царит в нас, и она все сгущается — и в белых, и в черных одинаково. Я восстал против этой тьмы, я не дам ей себя поглотить, хоть и знаю, что настанет день, когда она погубит мою плоть. Но, господи, что будет с твоими детьми? Что я скажу детям твоим? Я должен быть с тобою, о господи, и бороться с тобой, как Иаков, до тех пор, пока не наступит рассвет, пока ты не пошлешь мне знамение! Знамение того, что в грозной Сахаре наших дней забьет источник, источник истинного добра, что он приблизит нас, о господи, к тому миру на земле, которого уже столько веков жаждут — увы! — немногие. Не дай нашим страданиям длиться вечно. Научи нас верить в великий

дар, имя которому жизнь, научи нас любить друг друга и достойно жить на земле, как подобает человеку. Аминь.

Магушка Генри. Становитесь друг за другом, дети, и давайте прощаться.

Поют песню «Великое утро пробуждения». Меридиан сходит с кафедры. Меридиан, Лоренцо, Джимми и Пит поднимают на плечи гроб. Входит растрепанный Парнелл. Мимо него, один за другим проходят прихожане, проносят гроб. Джуанита останавливается возле Парнелла.

Джуанита. Что с вами, Парнелл? У вас совсем больной вид.

Парнелл. Я хотел прийти пораньше. Но не смог. Лайл меня не отпускал.

Джуанита. Вы надеялись вынудить у него признание? Но у вас такой вид, будто он вынуждал признание у вас. Ах вы бедняга!

Парнелл. Нет. Бедняга — Лайл! Он никогда не сознается, бедняга!

Джуанита. Вы оплакиваете Лайла? Вы счастливее меня. Я не умею плакать при посторонних. И прощаться не умею при посторонних. Они ведь не понимают, с чем ты прощаешься.

Парнелл. Вы его любили?

Джуанита. Да.

Парнелл. Я не знал.

Джуанита. Ах, какой вы счастливчик, Парнелл! Вы и правда этого не знали. Скажите, в каком мире вы живете? Как вы умудряетесь не знать всего, чего вы не знаете?

Парнелл. За что вы на меня напали? Никак не думал, что я представляю для вас такой интерес. Но поймите, Джуанита! Есть очень многое, о чем я просто не способен сказать вслух!

Джуанита. И есть очень многое, чего вы просто не способны услышать!

Парнелл. А вы пытались мне это сказать?

Джуанита. Я часто наблюдала, как вы с шумом проносите по городу, словно Георгий Победоносец, жаждущий схватки с драконом! И мне часто хотелось сказать: зря вы тратите столько сил — найти дракона совсем не трудно: он повсюду. Да и кому нужно, чтобы вы вели себя, как Георгий Победоносец? Мы хотим, чтобы вы были просто Парнеллом. Но это, конечно, гораздо труднее.

Парнелл. Мы ведь с вами друзья, Джуанита? Скажите.

Джуанита. Друзья? Это не совсем то, что вы имеете в виду, Парнелл. Говорите же прямо!..

Парнелл. Да. От вас мне всегда хотелось большего, чем дружбы. Но я боялся, что вы меня не так поймете. И подумаете — я вас просто хочу использовать. В определенном смысле.

Джуанита. Ведь вы уже давно взрослый человек, Парнелл. Вы должны больше себе доверять.

Парнелл. Я слишком давно взрослый, чтобы осмелиться предложить вам свою особу.

Джуанита. Ваш возраст никогда не был помехой. Вопрос совсем не в нем.

Парнелл. Значит, когда-то вопрос этот стоял?

Джуанита. Да. Когда-то.

Парнелл. А потом... теперь его уже нельзя поставить?

Джуанита. Нет. Этот поезд ушел. Когда-нибудь я приду в себя. Я уверена, что выздоровлю. И снова стану видеть мир — прекрасный мир. Я научилась у Ричарда, как надо любить. Я должна любить. Нельзя же, чтобы он погиб ни за что.

Громкая музыка радиолы. Освещение меняется: луч высвечивает лицо Парнелла. Джуанита переступает через проход. Появляется Ричард. Они танцуют. Парнелл на них смотрит.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Два месяца спустя. Зал суда.

Зал суда чрезвычайно высок, потолок сводчатый, ослепительно-белый, цвет стен подчеркивается тусклой и чем-то зловещей позолотой. Стол судьи в центре сцены, на возвышении. По обе стороны от него поднимаются амфитеатром скамьи с белыми и черными горожанами. Присяжные, фотографы и журналисты всех стран мира; микрофоны и телевизионные камеры. Все окна распахнуты, за ними должны чувствоваться толпы людей, иногда слышатся их голоса — их рев, так же, как и пение в церкви. Она находится прямо против суда, через улицу, и ее шпиль с крестом виден на протяжении всего действия.

Каждый из свидетелей, когда его вызывают, показывается за тюлем и проигрывает одну-две сцены, прежде чем, пройдя по проходу, подняться на свидетельское место. Это место — в глубине сцены, там же, где и кафедра священника в первом и втором действиях.

Прежде чем поднимается занавес, звучит песня «Я обещал, что никому не скажу, но не мог промолчать».

Стук судейского молотка прерывает пение, и занавес поднимается.

Секретарь (*вызывает*). Миссис Джозефина Глэдис Бриттен!

Джо разливает кофе на приходском собрании. Она передает чашки невидимым гостям.

Джо. Неужели я всю свою жизнь так и буду наливать кофе чужим людям в церковных подвалах? Неужели?.. Да! Священник Фелпс вел себя поистине благородно! Как всегда! Его преподобие женат уже больше двадцати лет... Не допускай подобных мыслей в твою крепость. Запомни, твоя голова — это крепость, и ты можешь не впускать в нее то, что тебя огорчает!.. Ах! Миссис Эванс, до чего же приятно вас видеть! Не пойму, как вы умудряетесь выглядеть всегда такой спокойной, такой свежей, будто вам никогда не бывает жарко! Имея столько детей! Да еще и мистера Эванса... Как вы себя чувствуете? Она чуть не каждый год рождает. Не понимаю, как она выдерживает! Глядя на мистера Эванса, кто бы мог подумать? Да, правду говорят, что о книжке по переплету не судят... Господи! Как бы я хотела иметь свой дом, и чтобы все это были мои гости и где-то среди них — мой муж! Я старею. Старею! Старая дева! Да, дева!.. Ах, мистер Арпино! Вы нашли время с нами посидеть, хоть вы и инженер. Как это мило!.. Ах! Какой он большой! И темноволосый. Похож на грека! Или на испанца! Поговаривают, будто в нем есть примесь негритянской крови. Не верю. Он просто похож на иностранца — и все. Но ему не мешает постричься. Интересно, растут ли у него такие же густые волосы на всем теле?.. Джо, помни, что твоя голова — это крепость. Да, крепость. О господи, как я устала подавать кофе в церковных подвалах. Я хочу, я хочу... А-аа... Добрый вечер, Элис! А вот и мистер Лайл Бриттен! Да, мы не часто обоим вас видим. Что вы, мистер Бриттен! Вы же этого совсем не думаете! Вы ходите сюда, чтобы повидать такое незаметное создание, как я? Нет, нет, садитесь и выпейте кофе, вам надо немного протрезвиться!

Освещение меняется.

Священник Фелпс (*слышен его голос*). Согласна ли ты, Джозефина Глэдис Майлс, взять этого человека, Лайла Бриттена-младшего, в законные мужья? Обещаешь ли ты всю жизнь любить его и лелеять в здравье и в болезни, пока смерть вас не разлучит?

Джо. Да! Да! Ах, Лайл, я буду самой лучшей женой на свете! Буду! Только люби меня. Прошу тебя! Погляди на меня. Ну погляди же на меня! Он меня захотел! Он захотел меня! И теперь я — миссис Джозефина Глэдис Бриттен!

Освещение снова меняется, и Джо поднимается на свидетельское место
Мы слышим плач ребенка.

Черный Город (*голоса со скамей, где сидят негры*). Ну и ну! И это та самая белая леди, ради которой, по их словам, вы готовы рисковать своей жизнью?

Белый Город. Послушайте, да это вроде суда Линча, только наоборот! Черномазые глазют на то, как нас собираются вешать!

Прокурор. В каком родстве вы состоите с обвиняемым?

Джо. Я его жена.

Прокурор. Прошу вас, расскажите нам о вашей первой встрече с покойным Ричардом Генри.

Белый Город. Не бойся! Говори правду.

Черный Город. Вот и пошли нас продавать!

Джо. Ну вот. Я была в магазине и сидела за прилавком. Входит этот цветной и начинает орать бог знает что. Я его не узнала, но сразу поняла, что он не из наших цветных. Он выражался ужасно, просто ужасно!

Прокурор. Он вас оскорблял? Он оскорблял вас, миссис Бриттен?

Джо. Он нес неведомо что, всякие гадости, ну... вроде... как если бы я была цветной девушкой. Так мне показалось. Вроде бы я была цветной девчонкой, которую он подобрал на углу и хотел... хотел... провести с ней ночь! Я испугалась. Я никогда не видела, чтобы цветной парень так вел себя. У него был такой вид, будто он пьяный, или сумасшедший, или нанюхался наркотиков. Я никогда не видела, чтобы пьяный человек вел себя, как он. Глаза у него закатывались, и будто внутри у него все горело... Но я старалась себя сдерживать, чтобы не волновать Лайла, вы же знаете, человек он горячий. Он в это время работал в помещении за лавкой, что-то там заколачивал...

Прокурор. Продолжайте, миссис Бриттен. И что же произошло потом?

Джо. Ну так вот... этот парень хотел купить две кока-колы, на улице его ждал приятель...

Прокурор. Он привел с собой приятеля? Значит, он пришел не один? А этот второй парень тоже вошел в лавку?

Джо. Нет, тогда еще нет... Я...

Черный Город. Ну-ка давай, сука! Мы знаем, что ты скажешь. Валяй, говори.

Джо. Я... я дала ему две бутылки, а он... попытался схватить меня за руки и привлечь к себе, а я... я... он прижался ко мне, очень крепко... и... ах, он был прямо как зверь, я даже... слышала его запах! Он старался меня поцеловать, шептал всякие гадости, всякие непристойности, и тут я совсем перепугалась. Я крикнула Лайлу. Лайл прибежал... И когда парень увидел, что я не одна, он заорал тому другому парню, который был снаружи, и в лавку ворвался второй парень, оба они набросились на Лайла и сбили его с ног.

Прокурор. Почему об этом происшествии... об этом ничем не спровоцированном нападении вы не сообщили властям, миссис Бриттен?

Джо. В нашем городе и без того беспокойно.

Прокурор. В каком смысле беспокойно, миссис Бриттен?

Джо. Да с цветными! Все время приезжают с Севера агитаторы и мутят народ, прямо по ночам не спишь!

Прокурор. Значит, вы, как сознательная гражданка, всячески старались не усиливать напряженного положения в городе? Несмотря на то, что на вас так грубо напал негр с Севера, психически ненормальный и наркоман?

Джо. Да. Я не хотела подливать масла в огонь. Я заставила Лайла промолчать об этой истории. Надеялась, что все утихнет. Я знала, что отец этого парня священник и, наверно, объяснит сыну, как

нехорошо тот себя ведет. Да ведь в городе все равно тут же об этом узнали! Но как будто все цветные встали на сторону этого молодого психопата... А ведь Лайл всегда хорошо относился к цветным!

Смех на скамьях Черного Города.

Прокурор. В тот вечер, когда было совершено предполагаемое преступление или, вернее, в то утро, рано утром двадцать четвертого августа, где находились вы и ваш муж, мистер Бриттен?

Джо. Мы были дома. А на другой день узнали, что этот парень исчез.

Адвокат. Не кажется ли вам, что эта попытка изнасилования производит странное впечатление, если учесть, что ваша лавка — людное место, там непрерывно входят и выходят покупатели? К тому же она расположена на проезжей дороге, по которой снуют прохожие и ходят машины, а ваш муж, имеющий репутацию крайне несдержанного и, по вашим собственным словам, «горячего» человека, работал в это время рядом, в комнате за лавкой?

Джо. Он не знал, что Лайл там.

Адвокат. Но он знал, что там кто-то есть. Вы же сами показали, что ваш муж что-то там «заколачивал».

Джо. Ну и что же? Я говорю, что этот парень был ненормальный. Он безусловно тронутый. Или чего-нибудь нанюхался.

Черный Город. А вы когда-нибудь слышали, чтобы наркоманы пытались кого-нибудь изнасиловать?

Джо. Я же не говорила — изнасиловать!

Адвокат. Вы старались вырваться из рук мистера Генри, когда ваш муж вышел из задней комнаты, держа в руке молоток?

Джо. Нет, тогда он уже меня отпустил.

Адвокат. Таким образом, муж должен был верить вам на слово, что на вас было совершено покушение? Это вы ему сказали, что Ричард Генри пытался на вас напасть? И предлагал вам половую близость? Прошу вас ответить на эти вопросы, миссис Бриттен!

Джо. Да. Я должна... я должна была... сказать Лайлу... Я его жена.

Адвокат. И в высшей степени верная жена. Вы сообщили мужу, что Ричард Генри на вас напал, и все же попросили его ничего не предпринимать?

Джо. Да.

Адвокат. И хотя у него создалось впечатление, что его жену чуть было не изнасиловал негр, он согласился все забыть и простить и ничего не предпринимать? Он согласился не обращаться в суд и не вершить суд и расправу собственными руками?

Джо. Да.

Адвокат. Невероятно! Миссис Бриттен, вам известно, что Ричард Генри был убит между двумя и пятью часами утра в понедельник двадцать четвертого августа?

Джо. Да.

Адвокат. В ваших показаниях, данных несколько месяцев назад, вы сообщили, что ваш муж провел эту ночь в лавке. Теперь вы показываете, что он пришел около часу ночи домой и сразу же лег спать. Чем объяснить такое расхождение в показаниях?

Джо. Очень просто. Я ошиблась насчет времени. Спутала с тем, что было в другую ночь. Он столько ночей провел в этой лавке!

Судья. Свидетельница, вы свободны.

Джо покидает свидетельское место.

Секретарь (вызывает). Мистер Джоэл Дэвис!

Выстрел. Папаша Джоэл стоит против Лайла.

Лайл. Зачем ты побежал туда утром и стал трепаться насчет меня и Виллы-Мей? Ты же сам приводил ее сюда и уводил отсюда, что же

на тебя утром нашло? А? Ревнуешь, старик? Зачем ты потом прибежал ко мне и передал все, что он говорил? И как он меня проклинал? Ты что, совсем спятил? Ведь мы так давно знаем друг друга. Я тебя никак не пойму. Она же не единственная девушка, которую ты мне приводил. Эй, черномазый, ты меня слышишь?

Папаша Джоэл. Я не думал, что вы его застрелите, мистер Лайл.

Лайл. Я застрелю любого черномазого, пусть только посмеет так со мной разговаривать! И это была самозащита, понял? Он сюда пришел и хотел меня убить. Понял?

Папаша Джоэл. Да. Да, сэр. Понял, мистер Лайл.

Лайл. Вот и хорошо. Попробуй, черная рожа, сказать что-нибудь не так, я и тебе башку размозжу!

Папаша Джоэл. Да, сэр, мистер Лайл.

Музыка радиолы. Папаша Джоэл поднимается на свидетельское место.

Белый Город. Вот этот всю жизнь работал, накопил денег и никогда ни в чем не был замешан, почему же они все не могут быть такими?

Черный Город. Эй, папаша Джоэл!.. Как же это ты забыл носовой платок? Смотри, как бы тебя холодной водой не обдали, еще насморк схватишь!

Папаша Джоэл. Мистер Лайл Бриттен — настоящий тиран. Это самое подходящее для него слово. Он никогда не давал дышать цветным. Уже сколько лет я пытаюсь его образумить. Говорю, оглянитесь вокруг, мистер Лайл. Разве вы не видите, что большинство белых уже по-другому смотрит на нас, цветных? Понимаете, мистер Лайл, мы не рабы, и белые готовы дать нам возможность дышать. Так почему бы и вам не признать того, до чего додумались многие из ваших? Мы же тогда превратим Юг в счастливый край для нас всех. Вот что я ему говорил и старался, чтобы он не так свирепо обращался с цветными, я же люблю свой народ! А я ближе к мистеру Лайлу, чем другие, никто, кроме меня, не посмел бы с ним спорить. Но он человек жестокий и упрямый. Он говорит: «Так жили и умирали мои отцы, и так буду жить я, пока не умру». А уж когда он упрется, тут с ним ничего не поделаешь. Я-то знаю его с самого рождения.

Белый Город. А он так хорошо к тебе относился! Вы были друзьями.

Черный Город. Ты его любил. Скажи правду, скажи правду!

Папаша Джоэл. Да, мы были друзьями. Да, я его любил, — по-своему. И он меня любил — по-своему.

Черный Город. Ты же знал, что он задумал убить этого мальчика. А если знал, разве ты не мог его удержать?

Папаша Джоэл. Ах, вы думаете, это так легко? Дело в том, что мы оба — мистер Лайл Бриттен, и я, — мы оба любим деньги. А я оказывал ему немало услуг, вот уже долгие годы. Однажды мне даже пришлось помочь ему скрыть убийство цветного — я сам был замешан в этом деле, понятно? Вы-то меня поймете.

Черный Город. Скажи, это он убил парнишку?

Папаша Джоэл. Он пришел в мое заведение в ту ночь, когда парнишка погиб. Парень был один, он стоял возле радиолы, и мы с ним болтали...

Появляется Ричард, освещенный лампой радиолы.

Если вы думаете, Ричард, что больше не собьетесь с пути, если вы надеетесь, что теперь все будет в порядке, и нашли человека, который вас любит, тогда бы я на вашем месте поскорее отсюда смылся. Я бы...

Ричард. Странное дело, папаша Джоэл! Но у меня вдруг такое ощущение, что я наконец понял, как я жил. Я могу оглянуться назад

и не чувствовать боли, как раньше. Я хочу увезти Джуаниту. Ей здесь не место. Они ее убьют, если она здесь останется!

Папаша Джоэл. А вы уже говорили об этом с Джуанитой?

Ричард. Нет. Я еще ни с кем не говорил. Я пока решил для себя. Видимо, я только принимаю такое решение. Вот почему я заговорил об этом с вами — хочу посмотреть, не будете ли вы надо мной смеяться. Как вы думаете, она будет надо мной смеяться?

Папаша Джоэл. Нет. Не будет.

Ричард. Я знаю, я теперь выдержу! Я теперь выдержу!

Папаша Джоэл. У этого парнишки была голова на плечах. Нрав бешеный, но ясная голова! Да я и не мог его винить, что он такой бешеный, мне казалось — я его понимаю.

Ричард. Папаша Джоэл, вся моя жизнь — страдание и мрак. Вся жизнь. И вот я в первый раз почувствовал, что, может, бывает и другое. Может, в ней есть что-то еще.

Папаша Джоэл. Лайл Бриттен подошел к двери...

Входит Лайл.

Он подошел к двери и говорит...

Лайл. Ну как, парень, ты готов? Вечер добрый, папаша Джоэл!

Папаша Джоэл. Вечер добрый, мистер Лайл. Как ваши делишки?

Лайл. Не могу жаловаться. Парень, ты готов?

Ричард. Нет. Не готов. Мне надо проиграть пластинку и допить стакан.

Лайл. Ты небось будешь закрывать, Джоэл?

Папаша Джоэл. Скоро закрою, мистер Лайл.

Ричард. Мне надо проиграть пластинку. *(Бросает монету, громкая музыка радиолы.)* И допить стакан.

Папаша Джоэл. Он проиграл свою пластинку. Лайл Бриттен не двинулся ни на шаг от двери. Так они стояли, глядя друг на друга. Когда пластинка была почти доиграна, мальчик подошел к бару и допил до дна свой стакан.

Ричард. Сколько я вам должен, папаша Джоэл?

Папаша Джоэл. Заплатишь завтра. Считай, что я уже закрыл свое заведение.

Ричард. Сколько я вам должен, папаша Джоэл? Я не уверен, что смогу заплатить вам завтра.

Папаша Джоэл. Дай мне два доллара.

Ричард. Вот. Спокойной ночи, папаша Джоэл. Я готов, мистер Чарли. *(Выходит.)*

Папаша Джоэл. Спокойной ночи, Ричард. Иди домой. Спокойной ночи, мистер Лайл. Мистер Лайл!

Лайл. Спокойной ночи, Джоэл. Ложись-ка ты спать, понял? *(Выходит.)*

Папаша Джоэл. Мистер Лайл! Ричард!.. Мальчика я больше не видел. Лайл его убил. Он убил его! Я это знаю так же твердо, как то, что сейчас сижу на этом стуле. Как то, что он застрелил Старика Билла, и никто никогда, никогда, никогда даже пальцем не шевельнул!

Судья. Свидетель, вы свободны.

Папаша Джоэл сходит со свидетельского места.

Секретарь *(вызывает)*. Мистер Лоренцо Шеннон!

Мы слышим долгий, звериный крик, полный одиночества и страха: это кричит Пит. Мы видим Лоренцо и Пита в тюрьме. Ночь. Издалека доносятся голоса студентов, которые стонут и поют «Я проснулся сегодня утром с мыслью о свободе»

Пит *(заикаясь)*. Лоренцо? Лоренцо... Мне снилось... Мне снилось... снилось... Будто я опять был там, во дворе, и молодцы Большого Джима Бирда нас били, били, били, а Большой Джим Бирд

смеялся. Анна-Мей Тейлор стоит на коленях, она молится и бормочет: «О господи, господи, господи, приди, помоги нам», — а они ее бьют, бьют по голове, и я вижу, как кровь течет у нее по шее, а они тычут в нее штыками, и, ах, Лоренцо, люди бегают вокруг, кричат, стонут... Посмотришь направо и видишь — кто-то упал, посмотришь налево и видишь — еще кто-то упал, а они лягают эту женщину ногами, и я говорю: «У этой женщины будет ребенок, не надо бить ее ногами!» А они говорят: «Нет, у нее не будет ребенка» — и сшибают меня с ног, тычут штыком мне между ног да приговаривают: «И у тебя, черномазая сволочь, тоже не будет никаких детей». А потом приставляют штык к моей голове — ах! ах! — к моей голове! Лоренцо! Я ничего не вижу! Лоренцо, я умру? Лоренцо, они нас всех убьют, да? Они решили всех нас перебить...

Лоренцо. Тише. Тише. Если ты не замолчишь, они придут и опять будут нас бить.

Пит. Где Джуанита? Они схватили Джуаниту?

Лоренцо. По-моему, Джуанита на свободе. Спи, Пит. Постарайся заснуть. Я тебя разбужу, если тебе будут сниться такие сны. Я тебя поддержу.

Лоренцо поднимается на свидетельское место.

Прокурор. Вы сопровождали вашего покойного друга Ричарда Генри утром семнадцатого августа, когда он пришел в лавку, принадлежащую мистеру и миссис Лайл Бриттен?

Лоренцо. Мы туда вовсе не собирались, мы все шли, разговаривали и вдруг оказались там. И все было совсем не так, как она говорит. Он сам взял из ящика две бутылки кока-колы, подошел к двери с бутылками в руках, она даже с места не двинулась, все так же стояла за прилавком. Ричард и пальцем не дотронулся до этой высохшей мымры!

Белый Город. Схватите этого черномазого! Что этот черномазый о себе воображает!

Черный Город. Говори, Лоренцо! Не робей, парень!

Прокурор. Не хотите же вы уверить суд, будто такое побоище произошло из-за двадцати центов? Для этого должна была быть другая причина. Какова же эта причина? Вы оба были пьяны?

Лоренцо. Да ведь было еще утро! Мы не настолько богаты, чтобы пить по утрам.

Прокурор. Может быть, вы курили марихуану? Может быть, ваш друг нанюхался в этот день героина и был в возбужденном состоянии, может, ему хотелось доказать то, на что он намекал, показывая непристойные фотографии, где он снят с обнаженными белыми женщинами?

Лоренцо. Я никогда не видел никаких фотографий. Пусть белыми женщинами занимаются белые мужчины. И мы ничего не пили. А курили мы тот самый вонючий табак, на котором вы разбогатели, потому что мы собирали его для вас бесплатно и носили его на рынок для вас бесплатно. И я знаю, что в этом городе нет никакого героина, потому что никто из вас, сволочей, в нем не нуждается. Вы ведь родились жабами. А Ричард был не такой. Я бы лучше сдох, чем быть таким, как вы. Но я горжусь тем, что я такой, как Ричард. Вот и все, что я могу вам сказать, белый хозяин. И я знаю, что он никого не хотел насиловать. **Насиловать!**

Прокурор. Ваша честь, может быть, вы объясните свидетелю, что он принес присягу, находится в зале суда и что неуважение к суду — серьезное преступление?

Лоренцо. Страшнее, чем каторга? Я знаю, что я принес присягу. Если для их драки был какой-нибудь повод, то разве то, что Ричард тер-

петь не мог белых. Он не выносил белых. Ну как, может, хотите, чтобы я вам все рассказал про это? И вы думаете, что стерпите? Да вы мне язык отрежете прежде, чем я расскажу все, что знаю.

Адвокат. Вы студент?

Лоренцо. В свободное время. Я только что вернулся с каторги, всего несколько дней назад. Я позволил себе на автобусной станции зайти в зал ожидания для белых.

Адвокат. Что вы изучаете — в свободное время, — мистер Шеннон?

Лоренцо. Историю.

Адвокат. Известно ли вам, продолжал покойный мистер Ричард Генри, после того как он приехал сюда, в город, употреблять наркотики?

Лоренцо. Нет. Он заставил себя от них отвыкнуть. Он за это расплатился сполна. Он просто пытался жить. И ему это чуть было не удалось.

Адвокат. Вы были с ним очень близки?

Лоренцо. Да.

Адвокат. Известно ли вам, что он носил с собой непристойные фотографии, на которых был изображен с обнаженными белыми женщинами?

Лоренцо. Насколько мне известно, а я бы это знал, — нет. Если он и открывал иллюстрированный журнал, то только для того, чтобы посмотреть фото джазистов. Нет. Меня уже спрашивали насчет фотографий, которые, как они говорят, он носил при себе, и меня уже спрашивали насчет револьвера, которого я никогда не видел. Нет. Все было не так. Он был красавец, и его убили. Вот и все. Вот и все.

Судья. Свидетель, вы свободны.

Лоренцо. Ну что ж, очень вам благодарен!

Лоренцо сходит со свидетельского места.

Секретарь (*вызывает*). Мисс Джуанита Хармон!

Джуанита встает с постели, раннее воскресное утро.

Джуанита. Он лежал рядом со мной на кровати, точно камень. Тяжелый, точно камень. словно он упал, упал с высоты и падал так долго и с такой силой, что, казалось, ушел в землю — только колени торчало. О боже! Он был совсем не такой, как я думала. Он упал, упал на меня, как жизнь и как смерть. О господи! Жизнь и смерть. Но почему все это было похоже на слезы? С тех пор как он пришел ко мне, прижался ко мне, всхлипывая и словно где-то внутри истекая кровью. О господи, его запах, прикосновение, вкус, стон боли... Ричард! Почему я не смогла тебя удержать? Удержать тебя, удержать, дать тебе новую жизнь! Заставить тебя заново родиться! Ох, Ричард... Твое дыхание... твои руки... Куда я теперь пойду, что буду делать? Ох, ох... Мама так испугалась. Испугалась, что маленькая Джуанита впервые привела к себе любимого. Наверно, для мамы бог — то же, чем был для меня Ричард. Но я хотела, чтобы мой любимый был из плоти и крови, из такой же плоти и крови, как я, я не хотела быть девой Марией. Пусть бог сидит на своих белоснежных, холодных, как лед, небесах! Но если он где-нибудь здесь, на этой страшной земле, если я когда-нибудь его увижу — я плюну ему в лицо! Прямо в божий лик! Как он смеет, как он дерзает судить живую душу! Живую душу! Мама боится, что я беременна. Мама всего боится. А вот я не боюсь. Я надеюсь, что беременна. Надеюсь! Пусть будет еще один незаконный черный ребенок. Слышите, вы, сукины дети! И я выращу моего ребенка, чтобы он стал человеком. Человеком, понимаете? О, пусть я буду беременна, пусть я буду беременна! Пусть хоть что-то останется!

Он ведь был человек! Для меня уж больше никого не осталось на свете. Неужели и с мамой было то же самое? Неужели и у нее был близкий, который исчез, как дым? И оставил ее одну влачить свое существование, как сможет. Не поэтому ли она и вышла за моего отца? Неужели когда-то все это было и с мамашей Генри? И все мы поэтому, и так скоро, становимся матерями — матерями беспомощных мужчин? Оттого, что другие мужчины гибнут. Нет. Нет. Нет. Что ж это за мир? Когда-нибудь я кончу тем, что тоже буду заботиться о каком-нибудь мужчине. Когда-нибудь, не скоро. Помогите мне делать это с любовью. Пит? Меридиан? Парнелл? Мы были им всем матерями. Как страшно быть Парнеллом. Ведь он не может дотронуться ни до чего живого. Все обагрено кровью. Все — кровосмешение. Ха-ха! Ты сходишь с ума, Джуанита! О господи, не дай мне сойти с ума! Дай мне ребенка! Дай ребенка!

Джуанита занимает свидетельское место. Одна рука у нее на перевязи.

Черный Город. Поглядите! Надо было вам ее видеть, когда она только что вышла из тюрьмы! Почему они вечно требуют, чтобы мы их любили? Почему же именно мы всегда должны любить? Потому что ты черная, мать! Все знают, что любить — это наше призвание.

Белый Город. Черная шлюха! Что это у нее с рукой! Наверно, пришлось ее вывернуть. А если приглядеться, она ведь смазливая девчонка. Зачем же она так губит свою жизнь?

Прокурор. Мисс Хармон, вы показали, что были в приятельских отношениях с матерью покойного. Сколько вам было лет, когда она умерла?

Джуанита. Шестнадцать.

Прокурор. Шестнадцать! Значит, вы были старше Ричарда Генри?

Джуанита. На два года.

Прокурор. Когда умерла его мать, вы и Ричард Генри намеревались пожениться?

Джуанита. Нет. Конечно, нет.

Прокурор. Значит, вопрос о браке возник у вас только незадолго до того, как он умер?

Джуанита. Да.

Прокурор. Но после того, как Ричард Генри покинул этот город, и до его возвращения, вы, конечно, встречались с другими молодыми людьми?

Черный Город. Почему бы тебе не спросить напрямик, девушка она или нет? Зачем ты теряешь время?

Белый Город. Она, наверно, уже беременна. И не знает, кто отец. Все они такие.

Прокурор. Но когда молодой человек уехал и мать умерла, вы все, наверно, почувствовали себя очень одинокими?

Джуанита. Да, нельзя сказать, чтобы мы стали от этого счастливее.

Прокурор. Священник Генри тосковал по своей жене, вы тосковали по другу детства. Его горе и общая тревога о судьбе мальчика, наверно, вас очень сблизили?

Черный Город. Ох ты господи! К делу! Говори.

Белый Город. Вот-вот. Как насчет этого толстогубого проповедника?

Прокурор. Мисс Хармон, вы называете себя студенткой. Где вы провели последние несколько недель?

Джуанита. В тюрьме. Я была арестована за...

Прокурор. Меня сейчас не интересуют причины вашего ареста. Сколько времени в общем вы провели в тюрьме?

Джуанита. Трудно сказать. Много времени.

Прокурор. Блестящая подготовка к вашей будущей деятельности. Разве не правда, мисс Хармон, что до того, как покойный Ричард Генри вернулся в этот город, вы намеревались вступить в брак с другим, так называемым студентом Питом Спиви? Неужели вы действительно надеетесь убедить суд, что вы теперь говорите о Ричарде Генри правду? Разве вы не сказали бы того же и с тем же основанием и о его отце? Или о Пите Спиви? Или о многих-многих других?

Белый Город. Все они такие. Они в этом даже не виноваты. Вот о какой свободе они мечтают.

Черный Город. Эти люди — душевнобольные! Они больные. А больным, говорят, иногда помогает небольшое кровопускание.

Джуанита. Я не могу отвечать за ваше больное воображение.

Прокурор. Что вам известно о драке, которая произошла между Ричардом Генри и Лайлом Бриттеном в лавке мистера Бриттена?

Джуанита. Я не была свидетельницей этой драки.

Прокурор. Но вы видели Ричарда Генри перед этой дракой? Он был трезв?

Джуанита. Да.

Прокурор. Вы можете в этом присягнуть?

Джуанита. Да, я могу в этом присягнуть.

Прокурор. Вы видели его и после драки? Тогда он тоже был трезв?

Джуанита. Да, он и тогда был трезв.

В зале суда видны лишь темные силуэты.

Я узнала о драке только к вечеру, когда пришла домой. И тут же побежала в дом священника Генри. Я увидела его на веранде.

Прокурор. Кого вы увидели?

Джуанита. Ричарда.

Появляется Меридиан.

Меридиан. Здравствуй, Джуанита. Не волнуйся.

Джуанита. Что там произошло? Где Ричард?

Меридиан. Сейчас все в порядке. Он спит. Нам, пожалуй, надо его отсюда отправить. Лайл — человек опасный. Ты это знаешь. *(Обнимает Джуаниту, потом отстраняется, не отнимая рук.)* Ты поедешь с ним, хорошо?

Джуанита. Меридиан... О господи!

Меридиан. Джуанита, скажи, я должен это знать... Я никогда больше ничего не буду спрашивать.

Джуанита. Да, Меридиан?...

Меридиан. До того, как он приехал... Ведь я это не выдумал, правда? Что-то между нами было... Начиналось... Мне казалось, между нами что-то может возникнуть. Я столько о тебе думал... У меня становилось необычайно хорошо на душе всякий раз, когда я тебя видел... и я начал надеяться, хотя никогда не позволял себе надеяться, столько лет не позволял себе надеяться! Я помнил, что ты намного моложе меня, я знал тебя еще ребенком. Но мне верилось, что это не имеет такого значения, — в конце концов, нам было так легко друг с другом. Ведь я этого не выдумал, нет?

Джуанита. Нет. Не выдумал, не все выдумал. Что-то было. Мы были одиноки. Ты надеялся. Я тоже надеялась, Меридиан. Из всех людей на божьей земле я бы меньше всего хотела причинить боль тебе. Лучше бы я умерла!

Меридиан. Тише, Джуанита, успокойся. Я знаю. Мне просто хотелось убедиться, что я не потерял рассудок. Я ведь так много потерял. Мне кажется, нехорошо, когда человек становится таким, как я... Очень нехорошо... я хочу сказать, что, по-моему, нехорошо, когда человек допускает себя до такого одиночества... А я ведь гордился

тем, что могу выносить это одиночество. Каждый день был для меня испытанием, проверкой, смогу ли я вынести это одиночество. А бывали дни — и часто, — когда вынести его я не мог, бродил по комнате, выл, проклинал и молился, как это бывает со всеми людьми. Я не давал обета безбрачия. Моя уверенность в себе была убита тогда, когда я сдернул одеяло, которым ее накрыли, и я увидел это маленькое личико на сломанной шее. Крови не было, только вода. Она промокла насквозь. О господи, господи. С тех пор я не мог подойти ни к одной женщине. Я все время видел ее — и во сне, и наяву — такой, какой видел в последний раз. Вот почему я дал тебе от меня уйти. В этом виноват не мой сын, в этом виноват я сам. Тем лучше для тебя. И для него. Я таил все это в душе с тех самых пор; какой страшный выбор порой приходится сделать человеку! Для того чтобы не совершить убийства, чтобы не стать чудовищем, чтобы показать пример собственному сыну. Ладно. Пусть я буду примером ему и сейчас. Поцелую тебя в лоб и пожелаю тебе счастья.

Джуанита. Меридиан. Меридиан. Неужели так будет всегда? Неужели жизнь всегда будет такой? Неужели мы должны всегда так страдать?

Меридиан. Не знаю, Джуанита. Знаю, что мы должны терпеть то, что нам суждено терпеть. Не плачь, Джуанита. Не плачь. Будем жить дальше. *(Уходит.)*

Джуанита. Через некоторое время Ричард проснулся, и я была возле него. Мы стали обсуждать, не уехать ли нам, но он заявил, что больше не хочет бежать от белых... Ни за что... Никогда! Он останется и будет вести себя, как человек, как мужчина, здесь, на этом самом месте. А я не смогла его переубедить. Я понимала его, я понимала, что он чувствует, но я ведь не хотела, чтобы он погиб! А когда я наконец уговорила его увезти меня, увезти из этого проклятого места — было слишком поздно. Лайл его убил. Лайл его убил! Он убил его, как они убивают всех наших мужчин из года в год столько лет... из поколения в поколение. Они убивают наших мужей, наших отцов, наших братьев, наших сыновей!

Судья. Свидетельница, вы свободны.

Джуанита покидает свидетельское место. Матушка Генри усаживает ее на скамью.

Суд объявляет перерыв до десяти часов утра завтрашнего дня.

Суতোлка и нестройный шум в зале суда. Потом зал начинает пустеть. Репортеры бросаются к телефонным будкам, подбегают к свидетелям. То и дело вспыхивает свет. Мы слышим отрывочные сообщения журналистов на разных языках. Из церкви напротив доносится пение. Темнота. Второй, и последний, день процесса. В зале суда теснота и волнение стали еще больше.

Секретарь *(вызывает)*. Миссис Вильгельмина Генри!

Матушка Генри идет по проходу к свидетельскому месту.

Прокурор. Вы миссис Вильгельмина Генри?

Матушка Генри. Да.

Прокурор. Миссис Генри, вы и ваш муж, пока он не умер, прожили в этом городе всю вашу жизнь, и у вас не было никаких неприятностей. Мы же всегда ладим в наших краях, не правда ли?

Матушка Генри. Ни один белый ни разу не назвал мужа мистером, пока он был жив. Ни один белый ни разу не назвал меня миссис Генри. Только сегодня. Для этого надо было, чтобы убили моего внука.

Прокурор. Миссис Генри, ваша скорбь вызывает у меня, как и у каждого белого в нашем городе, глубокое сочувствие. Но разве не прав-

да, миссис Генри, что ваш внук приехал к нам в город с пистолетом в кармане? Он носил заряженный пистолет, как видно, давно.

Матушка Генри. Не знаю, с чего вы это взяли и почему все время об этом толкуете? Никакого оружия я у него отродясь не видала.

Прокурор. Вы ведь принесли присягу, миссис Генри.

Матушка Генри. Нечего мне повторять, что я дала присягу. Я всю жизнь под присягой. Говорю вам — никакого пистолета я у него не видала!

Прокурор. Миссис Генри, вы когда-нибудь замечали, что ваш внук странно себя ведет, словно он находится под влиянием наркотика?

Матушка Генри. Нет, не замечала. С тех пор как ему вырезали гланды — мальчику было тогда шесть лет. Ему дали понюхать эфир. Но он все равно вел себя не так странно, как его мама и папа. Заснул, и все. А вот их просто трясло.

Слышна песня Ричарда.

Помню день, когда он появился на свет. Матери он нелегко достался, еле выносила, еле родила. Но вот он наконец появился — время было зимнее, — крупный, голосистый... А сынок посмотрел на его личико и говорит: «Бог дал нам сына. Бог дал нам сына. Господи, помоги мне вырастить его добрым и сильным человеком».

Судья. Свидетельница, вы свободны.

Секретарь (*вызывает*). Его преподобие Меридиан Генри!

Затемнение. Меридиан в воскресной школе. Видны силуэты учеников, главным образом девочек-подростков.

Меридиан. А вот и пророк Соломон, сын Давидов, он смотрит на нас сквозь века и говорит о любви Христа к его церкви. (*Читает.*) «О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! О, как много ласки твои лучше вина, и благовония мастей твоих лучше всех ароматов!»

Силуэты девочек исчезают.

Ах, если б это были слова мужчины, обращенные к женщине!

Затемнение. Меридиан поднимается на свидетельское место.

Черный Город. Интересно, запоет он теперь свою старую песню насчет «подставь другую щеку»? Его сын этой музыки не любил.

Белый Город. Вот и папаша. Хорош священник! Сам во всем виноват. Давно у нас здесь мутит воду.

Прокурор. Ваше имя Меридиан Генри?

Меридиан. Совершенно верно.

Прокурор. И вы отец покойного Ричарда Генри?

Меридиан. Да.

Прокурор. Вы священник?

Меридиан. Да, я служитель христианской церкви.

Прокурор. И вы считаете, что воспитали сына по заветам христианской церкви?

Меридиан. Старался. Но мы с сыном испытывали глубочайшие сомнения в том, живут ли сами христиане по заветам Христа. Ричард не мог понять, почему они так обращаются с черными. А я не мог ему ничего как следует объяснить.

Прокурор. Однако не могли же вы, священник, подстрекать его на то, чтобы он носил оружие?

Меридиан. Об этом у нас никогда не было речи. Он не носил оружия.

Прокурор. У него не было оружия?

Меридиан. Нет.

Прокурор. Вы никогда не видели у него револьвера? Или какого-нибудь другого оружия?

Меридиан. Нет.

Прокурор. Послушайте, Генри, вы можете дать клятву, что ваш сын никогда не носил при себе огнестрельного оружия?

Меридиан. Да. Могу дать клятву. Единственный раз, когда об этом зашел разговор, сын мне сказал, что он сильнее, чем белые, и может обойтись без оружия.

Черный Город. Интересно, как без него обойтись! Небось этого он не сказал.

Белый Город. Врешь, губастая харя! Он врет!

Прокурор. Может быть, вашему сыну потому было трудно следовать христианским заповедям, что вы, ваше преподобие, используете церковную кафедру для безответственной пропаганды социального равенства? Быть может, ошибки сына произошли из-за ошибок отца?

Меридиан. Боюсь, что вы, почтенный джентльмен, себе льстите. Я не добиваюсь равенства негров с их убийцами. Я хочу, чтобы мы стали достойны самих себя. И обрели такую свободу для себя, чтобы нам не надо было... бояться других... и не надо было убивать других.

Прокурор. Тут не церковная кафедра. Я утверждаю, что вы несете ответственность, прямую ответственность за трагическую судьбу вашего сына.

Меридиан. Вот об этом разрешите мне судить самому. Но для вас смерть моего сына — не трагедия. Для вас было бы трагедией, если бы он жил.

Прокурор. Удивительно, что, имея такого отца, сын не погиб еще раньше.

Меридиан. И удивительно, что еще жив отец!

Прокурор. Скажите, Генри, сколько лет вы были вдовцом?

Меридиан. Я овдовел почти восемь лет назад.

Прокурор. Вы ведь человек еще молодой...

Меридиан. Вы спрашиваете, сколько мне лет? Я уже не молод.

Прокурор. Но вы еще не старик. Вам нужна была большая выдержка...

Меридиан. Чтобы жить среди вас? Да.

Прокурор. Какие у вас отношения с так называемой студенткой Хармон?

Меридиан. Я ее старый друг. И надеялся стать ее свекром.

Прокурор. Вы были только друзьями?

Белый Город. Вот-вот! Заставь его признаться! Вытяни из него правду!

Черный Город. Нельзя же отнимать у человека все! Оставьте ему хоть что-нибудь!

Прокурор. После смерти жены у вас не было близости с другими женщинами?

Черный Город. Он и не прикидывался монахом, чертова жила.

Белый Город. Пусть выкладывает! Начистоту!

Меридиан. Близости с женщинами? А почему это вас интересует?

Прокурор. Ваша честь, объясните свидетелю, что показания дает он, а не я и что он должен отвечать на вопросы, которые ему задают.

Меридиан. «На вопросы, которые ему задают»! Хорошо. Что же, отвечу. Я человек. Мужчина! Я старался помочь и сыну стать человеком. Но быть человеком тут, у вас, — опасное дело. Поэтому здесь и погиб человек от ваших ружей, ваших шлангов, ваших собак, ваших судей, ваших законов, вашего безумия, вашей гордыни, вашей жестокости, вашей трусости, ваших денег, вашей каторги и ваших церквей! Неужели вы думаете, что так будет всегда? И мы будем вечно расплачиваться за ваше благополучие?

Черный Город. Говори, друг! Скажи им все! Аминь! Аминь! Аминь!

Белый Город. Он разжигает ненависть! Разжигает ненависть! Священник разжигает ненависть!

Меридиан. Да! Я в ответе за смерть сына. Я надеялся... я молился... я боролся за то, чтобы жизнь стала другой, когда он вырастет, не такой, какой она была, когда он родился. И я верил, что всякий раз, когда он взглянет на меня, он вспомнит, что это я, его отец, помог тому, что вокруг стало лучше.

Прокурор. А как насчет фотографий, которыми щеголял ваш сын? Он был снят с нагими белыми женщинами.

Черный Город. Гад! Хотел бы я заглянуть в твой бумажник!

Белый Город. Заставьте его рассказать! Заставьте его все рассказать!

Меридиан. Фотографии? Моего сына с нагими белыми женщинами? Он мне никогда о них не говорил.

Прокурор. Вы были дружны с сыном? Больше, чем обычные отцы и дети?

Меридиан. Я не занимался опросом других отцов и детей.

Прокурор. И вы никогда не говорили с ним о женщинах?

Меридиан. Мы говорили о его матери. Она была женщина. Мы говорили о мисс Хармон. И она женщина. Но мы никогда не обсуждали порнографических открыток. Нам это было не нужно.

Прокурор. Ваше преподобие, вы доказали нам всем, что любовь к сыну у вас сильнее уважения к истине и преданности вере. Но, к счастью для истины, нам известно, что ваш сын был столь опасно невменяем, что его пришлось, для его же пользы, на время изолировать. И вот, после того, как срок тюремного заключения истек, ваш сын вернулся в наш город. Мы знаем, что он вел на Севере развратную жизнь. Он принес этот разврат и в наш город. У нас в руках неопровержимые доказательства. А вы, духовное лицо, священник, осмеливаетесь нагромождать ложь на ложь в защиту явного сутенера, наркомана и насильника. Но ваша душа настолько снесаема расовой ненавистью, что мы не можем верить ни единому вашему слову!

Меридиан. Ваше суждение обо мне и о моих взглядах меня не трогает. Я слишком давно знаю, что вы обо мне думаете. В этом чудовищном месте правды все равно не услышишь. Но я вам ее еще раз скажу. Я знаю, почему мой сын стал наркоманом. И вы никогда не поймете, сколько бы я вам это ни объяснял, в чем тут моя вина. Но я знаю и то, что мой сын не был сутенером. Для этого он слишком уважал женщин. И я знаю, что он не был насильником. Насилие — нелегкое дело, и, говоря по правде, не думаю, что предполагаемый объект насилия мог соблазнить моего сына.

Прокурор. А еще священник!

Меридиан. По-моему, я им только теперь становлюсь.

Судья. Свидетель, вы свободны.

Меридиан сходит со свидетельского места.

Секретарь. Мистер Парнелл Джеймс.

Парнелл у себя в спальне в купальном халате. Ночь.

Парнелл. Она говорит, будто я назвал ее чьим-то другим именем. Чьим же именем я ее мог назвать? А она не хочет его повторить. Господи, от этого кровь стынет в жилах и теряешь силы. Господи Иисусе, как я устал от этой унылой гимнастики, которая называется любовью, хотя любви-то в ней нет и в помине! Чье же имя я мог назвать? Надеюсь, это, по крайней мере, имя белой девушки! Ха-ха! Как она сразу окаменела! А я этого не почувствовал, я был слишком от нее далеко, а потом уже было поздно. Она смотрела на меня, не произнося ни слова. Ну и ну! Когда на тебя так смотрят, да

еще в такие минуты, у тебя появляется ощущение, будто ты проснулся и лежишь в постели с собственной матерью! Я попытался выяснить, чем она недовольна, бедняжка! Но что можно сказать при таких обстоятельствах? Ровно ничего. Тебя поймали с поличным. Но разве я ее не убеждал, что на меня ей нечего рассчитывать? У нас нет будущего. У меня нет будущего ни с кем. Но это неважно. Чье же имя я мог назвать? Я давно уже не был вдвоем ни с кем другим, очень давно. Она говорит, что меня нет и с ней. По-моему, она права. Я просто ею пользуюсь. Пользуюсь, как якорем, чтобы привязать себя к месту, к дому, к постели, чтобы вдруг не очутиться на другом конце города и не погубить свою репутацию. Какую репутацию? Все же знают, ей-богу, знают... А что они знают? Что тут можно знать? Что я напиваюсь и втихомолку распутничаю? Не ври, Парнелл, если бы только это... Вот почему ты ни на что не годен, когда ты напиваешься. Все выходит наружу. Все. Они видят то, что ты боишься увидеть сам. Чье же имя я мог назвать? Ричард сказал бы, что я болен черной лихорадкой. Ну да. Но он был бы неправ, этот долговязый, горластый черный сукин сын. Интересно, спит сейчас она или просто лежит, глядя на стену? Бедная девочка! всю жизнь мне было тошно, муторно, тоскливо, я сходил с ума от этой черноты перед глазами. Вечной черноты перед глазами. Мальчишки и девчонки, мужчины и женщины, я преклонялся перед ними. А потом ненавидел себя. Ненавидел себя за то, что перед ними унижался? Ну, давай начистоту, Парнелл! Договаривай, ты, охотник до черномазых. Черные! Темнокожие мальчишки и девчонки! Как мне хотелось схватить их в охапку, затеряться в их толпе, смеющейся, пляшущей жаркой толпе. Жаркой! Да, раствориться, родиться вновь, освободиться от этой гусклой, грязно-белой оболочки! Господи. Но ты всегда их боялся. Боялся того, что видел у них в глазах. Да, конечно, они меня не любят. Но ведь и ты их не любишь! Ты болен той болезнью, которая бывает только у белых. Черной болезнью. А что значит — быть черным? Смотреть на мир из черноты? И она смеет говорить, что я ничего никому не даю! Эх, милая, если бы ты знала, что я отдал. Ах, брось, Парнелл, кому ты что-нибудь отдал? Чье же имя я назвал? Чье имя я назвал?

Затемнение. Парнелл и Лайл. Охотятся в поместье Парнелла.

Л а й л. Значит, ты думаешь, что это удачная идея, да? Ты думаешь, она мне не откажет?

П а р н е л л. Послушай, тебе ведь придется через это пройти. Это ты собираешься просить у мисс Джозефины руку и сердце. А потом с ней жить до конца твоих дней. Осторожно, убери ружье! Я никогда еще не видел, чтобы ты так нервничал. Я сказал бы, что это хорошая мысль, будь я только уверен, что она скажет «нет». Но я думаю, она скажет «да».

Л а й л. Почему ты думаешь, что она скажет мне «да»?

П а р н е л л. Мне кажется, ее к тебе тянет. И в этом, пожалуй, нет ничего удивительного. Разве ты этого за собой не знаешь?

Л а й л. Нет. Когда я был мальчишкой, я иногда приходил сюда с моим папашей. Вот кто терпеть не мог твоего папашу! Мы воровали у вас дичь, ты небось этого не знал, а?

П а р н е л л. По-моему, знал.

Л а й л. Мы стреляли вашу дичь, а сторожа твоего папаша стреляли в нас. Но мы всегда уносили то, за чем пришли. Нас им ни разу не удалось поймать.

П а р н е л л. Что-то ты сегодня разговорился. Нервничаешь из-за Джозефины?

Л а й л. Погоди минутку. Как ты думаешь, я должен жениться на Джо?

Парнелл. Не знаю, почему вообще надо жениться. А ты хочешь жениться на Джо?

Лайл. Ну, надо же на ком-нибудь жениться... Я хочу иметь детей, а Джо -- чистая девушка.

Парнелл вздыхает и делает выстрел.

Парнелл. Вот дьявол!

Лайл. Промазал! Ха-ха! Смотри. *(Прицеливается. Стреляет.)* Ха-ха!

Парнелл. Bravo!

Лайл. Я знал, что попаду, будто мое имя на ней выведено! *(Уходит. Возвращается с убитой птицей.)* Гляди. Папаша здорово меня этому делу обучил. Для тебя это был спорт. А для нас — вопрос жизни.

Парнелл. По-моему, ты застрелил птенца.

Лайл. Говорю тебе, больше я так не могу. Для каждого мужчины наступает время, когда и ему хочется иметь хоть немножко покоя.

Парнелл. То есть — спокойной жизни? Благополучия?

Лайл. Ага, все равно, как ни называй. Я устал от...

Парнелл. Распутства.

Лайл. А ты откуда знаешь? Ты от него тоже устал? Вот черт! Да, я хочу детей.

Парнелл. Ну что ж, тогда женись на этой девице.

Лайл. Да она уже не такая молоденькая. Может, и для нее это последняя возможность. Но клянусь тебе, Парнелл, она, вероятно, единственная девушка в нашем городе. Единственная белая девушка. Лично я могу поручиться за то, что черных девушек здесь осталось немного.

Парнелл. Да, ты уж постарался. А дети были?

Лайл. Что-то не слышал... Ха-ха!

Парнелл. А ты не думаешь, что Джо, может быть, неприятна вся эта болтовня насчет тебя и Старика Билла? Она ведь по-настоящему порядочная. Библиотечарша.

Лайл. Подумаешь! Такие вещи случаются у нас каждый день! Значит, думаешь, мне надо на ней жениться? Ты и в самом деле веришь, что она на это пойдет?

Парнелл. Она на это пойдет. И я очень ей это советую. Желаю тебе счастья. Назови первенца в мою честь.

Лайл. Нет, ты будешь крестным. И моим шафером. Я назову своего первенца в честь папаши, за то, что он так здорово научил меня охотиться на твоей земле — лучше, чем ты думаешь. Я дам ему в твою честь второе имя. Его будут звать: Лайл Парнелл Бриттен-младший.

Парнелл. Если она согласится.

Лайл. Ну, а если откажет — тоже горевать не будем! Мы-то знаем, куда податься в тяжелую минуту, правда, друг любезный?

Парнелл. Еще бы! Смотри! Моя?

Лайл. На что спорим?

Парнелл. На стоимость твоих обручальных колец.

Лайл. Идет. Моя? Моя!

Затемнение. Парнелл идет по проходу, занимает свидетельское место.

Белый Город. Вот он, негритянский прихвостень!

— Но ручаюсь, он-то знает всю правду насчет этого, как никто.

— Еще бы! Вечно с ними якшается!

— Обидно, когда человек предает своих!

Черный Город. Посмотрим, как будет вести себя друг.

— У них на него главная ставка — сейчас начнут потрошить!

— Я ему не верю. Никогда ему не верил!

— Почему?

— Потому что он белый, вот почему!

Прокурор. Вы были знакомы с покойным Ричардом Генри?
Парнелл. Конечно. Мы с его отцом дружим всю жизнь.
Прокурор. Близкие друзья?
Парнелл. Да. Очень близкие.
Прокурор. А каковы ваши отношения с человеком, которому предъявлено обвинение в убийстве, с мистером Лайлом Бриттенем?
Парнелл. С ним мы тоже дружим всю жизнь.
Прокурор. Тоже близкие друзья?
Парнелл. Да.
Прокурор. Такие же близкие, как с отцом покойного?
Парнелл. Пожалуй, но отношения у меня с ним совершенно другие.
Прокурор. В каком смысле другие, мистер Джеймс?
Парнелл. Ну... у нас разные темы для разговоров. И по-разному проводим время.
Прокурор. Чем же вы занимались?
Парнелл. Ну, например, охотой, и в этом роде.
Прокурор. А с его преподобием вы тоже ходите на охоту?
Парнелл. Нет, он этого не любит.
Прокурор. Он сам вам это говорил? Он вам говорил, что не любит охотиться?
Парнелл. Такой вопрос у нас даже не возникал. Мы ведь вели совершенно разную жизнь.
Прокурор. Приятно слышать! Не правда ли, мистер Джеймс, людям нельзя вместе охотиться, если у одного из них есть основания не доверять другому?
Парнелл. Вероятно, правда. Но об этом не говорят, это само собой разумеется.
Прокурор. Отсюда мы можем сделать вывод, что вы охотно доверяли свою жизнь Лайлу Бриттену, но не чувствовали такого доверия к Генри?
Парнелл. Нет, сэр, такого вывода вы сделать не можете! Я только сказал, что мы со священником Генри вели совершенно разный образ жизни!
Прокурор. Но вы ведь дружили всю жизнь. Священник Генри тоже коренной южанин, он, наверно, тоже знает и любит свой край, он купался и ловил рыбу в наших реках, выслеживал дичь в наших лесах. И все же, несмотря на вашу близость, вы ни разу не решились остаться наедине с этим Генри, когда в руках у него было ружье. Разве это не свидетельствует о том, что в вашей хваленой дружбе... чего-то недоставало?
Парнелл. Ваше предположение необоснованно и недостойно! В армии я часто оставался наедине с вооруженными неграми и не чувствовал при этом ни малейшей тревоги.
Прокурор. Когда вы сражались с общим врагом. А какое впечатление производил на вас покойный Ричард Генри?
Парнелл. Мне он нравился. Это был прямодушный, может быть, не слишком тактичный, но очень стоящий молодой человек.
Прокурор. Каково, по-вашему, было его влияние на жителей города? На свою среду? А также на белых?
Парнелл. Влияние?.. К нему относились с симпатией...
Прокурор. Это не ответ на мой вопрос.
Парнелл. Он как-то всех будоражил... В конце концов, он долго жил на Севере и отвык... от наших порядков.
Прокурор. Он привык к порядкам, принятым на Севере, где он научился носить оружие, принимать наркотики и жить с белыми женщинами!

- Парнелл. Я не могу подтвердить ни одного из ваших обвинений, сэр. Я могу лишь подтвердить, что он очень нервно реагировал на расовую вражду у нас в городе и в этом смысле будоражил тех, с кем он сталкивался.
- Прокурор. Разве он не подбивал местных негров взять в руки оружие?
- Парнелл. Насколько мне известно — нет, сэр. Во всяком случае, они так и не взяли в руки оружие.
- Прокурор. Вы можете нас в этом заверить?
- Парнелл. Мои друзья не лгут.
- Прокурор. Да? Тогда вам удивительно везет. Вам известно об отношении покойного Ричарда Генри к белым женщинам? Вы видели фотографии, которые он носил с собой?
- Парнелл. Мы никогда с ним не говорили о женщинах. Я не видел никаких фотографий.
- Прокурор. Но вы знали об их существовании?
- Парнелл. В них не было ничего непристойного. Это были просто любительские снимки его нью-йоркских знакомых.
- Прокурор. Там были сняты белые женщины?
- Парнелл. Да.
- Прокурор. Вы, мистер Джеймс, первый свидетель, подтвердивший существование этих фотографий.
- Парнелл. Возможно, что другие свидетели их не видели. Мальчика сразу же предостерегли, чтобы он не рассказывал об этих фотографиях и не щеголял ими.
- Прокурор. Кто его предостерег?
- Парнелл. Его? Ну, хотя бы я...
- Прокурор. Но вы же никогда не видели этих фотографий?
- Парнелл. Я ему сказал, что не желаю их видеть и что их опасно держать при себе.
- Прокурор. Значит, он показывал эти фотографии только вам?
- Парнелл. По-видимому, да.
- Прокурор. А что его побудило на такую откровенность с вами?
- Парнелл. Бравада. Он хотел, чтобы я знал, что у него на Севере были белые друзья, и... что там ему хорошо жилось.
- Прокурор. И вы ничего не сказали его отцу? Вы не сочли нужным предостеречь своего близкого друга?
- Парнелл. Я уверен, что Ричард и не заикался отцу об этих фотографиях. Ему было бы стыдно. Эти женщины его недостойны.
- Прокурор. Белая женщина, которая отдается цветному, недостойна называться человеком. Она сознательно оскверняет своим распутством храм духа святого. Мне теперь ясно, что подобный субъект поощрял в здешних жителях безответственность и разжигал недовольство. Не казалось ли вам, что вашей близкой дружбе со священником Генри нанесен удар, раз его сын пытался изнасиловать жену другого вашего близкого друга, Лайла Бриттена?
- Парнелл. О такой попытке никто не говорил... до суда.
- Прокурор. Если вы так близки с семьей Бриттена, как вы говорите, то неужели вы не знали о покушении на изнасилование? Как вы можете это объяснить?
- Парнелл. Я не могу этого объяснить.
- Прокурор. Вы находитесь в суде, мистер Джеймс, и мы желаем знать правду!
- Белый Город. Пусть скажет правду!
- Черный Город. Пусть скажет правду!
- Прокурор. Разве вы можете быть близким другом Бриттенов, как вы утверждаете, и не знать об этом ужасном событии?

Парнелл. Я... я знал, что там была ссора. Все считали, что этот юнец пошел в лавку мистера Бриттена именно для того, чтобы затеять ссору. Я... я не могу объяснить, зачем он это сделал!

Прокурор. Кто вам сообщил об этой ссоре?

Парнелл. Как кто? Мистер Бриттен.

Прокурор. И он не сказал вам, что Ричард Генри пытался напасть на его жену? Помилуйте, мистер Джеймс!

Парнелл. Мы все были так расстроены. Может быть, он рассказывал не очень обстоятельно... может быть, я чего-нибудь недослышал... Лично я считал, что миссис Бриттен неверно поняла намерения Ричарда — ведь он жил на Севере и привык вести себя свободно и даже вызывающе...

Прокурор. Миссис Бриттен показала на суде, что Ричард Генри схватил ее, притянул к себе и пытался поцеловать. Разве можно неправильно истолковать такого рода поступки?

Парнелл. Да, такие поступки имеют довольно недвусмысленный характер...

Прокурор. Благодарю вас, мистер Джеймс. Это все.

Судья. Свидетель, вы свободны.

Парнелл спускается в зал.

Черный Город. Ну, что ты теперь скажешь о вашем дружке? Правда, он не бил наотмашь. Нет, действовал бережно, аккуратно. Я даже ничего не чувствовал. А ты?

— Эх, парень, ты ведь не можешь сказать, что белая леди врет, даже если ты сам белый! Ни под каким видом!

— Но как он был огорчен! До глубины души.

Белый Город. Долго же он тут мямлил!

— Ты подумай: он извивался, как угорь, только бы ничего не выдать!

— Значит, то, что она говорит, — все-таки правда!

— Надеюсь, он получил хороший урок. Сколько лет мы ему толковали!..

Секретарь (*вызывает*). Мистер Лайл Бриттен!

Лайл в лесу.

Лайл. Интересно, какой он будет, когда вырастет? Конечно, может родиться и девочка. Пожалуй, я даже не огорчусь — просто буду стараться дальше, пока не получу мальчика, ха-ха! Да и старушка Джозефина — тоже не промах, ей-богу! Мне подвезло, что я ее подцепил. Славная женщина. А теперь моя собственная. С бабами у меня больше нет хлопот. Да, брат Лайл, жизнь у тебя пойдет совсем по-другому. Придется поднатужиться. Пожалуйста, я готов. Знаю, что делаю. Буду работать как вол, как никогда не работал, только бы моя Джо была счастлива и наши дети выросли хорошими, образованными людьми. Боже, ты ведь знаешь, я — молиться не мастер. В жизни я натворил немало плохого и, боюсь, никогда не буду ангелом. Ты это знаешь. И ты это понимаешь. Но, боже, выслушай меня сегодня и помоги мне сделать то, что мне положено. Я хочу быть таким же сильным, как мамаша с папашей, и вырастить детей так же, как они вырастили меня. Вот чего я хочу. Через несколько лет я приду сюда и буду показывать сыну эти деревья, эту реку и это небо. Его ручонка будет в моей руке, и я покажу ему белый свет. Ну разве не смешно! Его ведь еще и нет, он только зародыш в чреве у матери... Его небось и в микроскоп не увидишь! Но зачал его я, и он скоро появится на свет, с пальчиками на ручках и ножках, с глазками... Скоро он научится ходить, болтать, мне небось придется его кое-когда и шлепнуть, если он хоть в чем-

нибудь будет похож на меня! Ну разве это не замечательно? Мой сын! Ну-ка ты, поторапливайся, чтобы я мог поскорее тебя потискать и направить твои первые шаги по длинной дороге жизни!

Затемнение. Лайл с папашей Джоэлом. Лайл пьян. Играет музыка. Танцуют пары.

Лайл. А ты помнишь то время, когда здесь бывала Вилла-Мей? Что-то я все время вспоминаю те дни. Помнишь? Не девка была, огонь! Меня так и жгло, оторваться не мог! Она редко носила чулки — до сих пор вижу, как мелькают ее коричневые полные ножки! Глаз не мог отвести от ее голых ног. И знаешь, что она мне сказала? Знаешь, что она мне сказала? Она сказала, что ни один черномазый не может идти в сравнение со мной, ей-богу! Ты меня слышишь? А это ведь что-нибудь да значит, а? Стоило ей войти в комнату, и меня словно жаром обдавало. Ты меня не ревнуешь, Джоэл, ха-ха? Ты никогда с тех пор о ней ничего не слышал, правда? Конечно, не слышал. Еще бы! Ладно. Мне пора домой. Я теперь человек семейный, у меня много забот. Ага. До скорого, Джоэл. А ты не хочешь запереть свое заведение и немножко меня проводить? Нет, пожалуй, не стоит. Видишь, как они веселятся. Эх, жаль, я не могу вам теперь составить компанию! Пора.

Затемнение. Когда Лайл подходит к свидетельскому месту, свет в зале суда меркнет. Мы слышим голоса из церкви, поющие погребальную песню. Свет разгорается.

Судья. Господа присяжные, вы пришли к единодушному решению?

Старшина присяжных. Да, ваша честь.

Судья. Прошу подсудимого встать.

Лайл поднимается.

Считаете вы подсудимого Лайла Бриттена виновным или невиновным?

Старшина присяжных. Невиновным, ваша честь.

Восторженные крики Белого Города. Молчание Черного Города. Сцену заполняют репортеры, фотографы, свидетели, горожане. Лайла поздравляют и целуют. Черный Город безмолвной вереницей тянется из зала суда, не оглядываясь назад. Белый Город покидает свои места весело, торжествующе, но с какой-то опаской. Сцена постепенно пустеет, на ней остаются Лайл, Джо, матушка Генри, Меридиан, Парнелл, Джуанита и Лоренцо.

Джо. Давай поскорей уйдем. Пошли домой. Кажется, мы и так провели здесь целую вечность. Дай бог, чтобы мне больше никогда не пришлось увидеть эти стены! Пошли домой, миленький. Нам сегодня есть что отпраздновать.

Джуанита. Нам тоже пора идти... на другое торжество... Мы сегодня собираемся для общей молитвы у входа в муниципалитет.

Лоренцо. Для молитвы?

Лайл. Да, Парнелл, я висел на ниточке, но ты держался молодцом! Я знал, что ты меня не продашь!

Джо. Пошли, Лайл. Ребенок хочет есть.

Меридиан. Может, теперь он захочет сказать вам правду? Ему ведь нечего терять. Второй раз его судить не могут.

Лайл. А какой толк было судить меня теперь, в этот раз, а, ваше преподобие? Ведь эти люди знают меня и мою славную женушку всю нашу жизнь. Разве они в нас усомнятся? А вам и всем вашим следовало бы стать поумнее и найти себе более подходящее занятие, чем бегать по городу и разжигать ненависть и беспорядки. Из-за этого-то и сына вашего убили. Из-за того, что он слушал таких бешеных черномазых, как вы.

Меридиан. Вы его убили?

Лайл. Да ведь меня уже спрашивали об этом на суде, верно? И решили,

что я не убивал. Верно? Что ж, меня это устраивает, и всех белых это устраивает. И будет куда лучше, если это устроит и вас.

П а р н е л л. Это не ответ на вопросы. Меня это не устраивает.

Л а й л. Как не ответ? Чем же не ответ? Почему это тебя не устраивает? А знаешь, когда ты был там, на свидетельском месте, ты вел себя так, будто не очень-то веришь словам моей Джо. А ты не имеешь права сомневаться в том, что она говорит. Чем ты лучше нее? Чем ты лучше нее?

П а р н е л л. Вот это правда. Ничем. Бог свидетель, я это понял. Первый раз в жизни. Но так как ни ты и ни я теперь уже никогда не будем такими, какими мы были раньше, и так как наша комедия уже разыграна и я не оправдал твоих ожиданий — разреши мне сказать тебе вот что! Я не сомневался в том, что говорила Джо, — я знал, что она лжет и что ты заставил ее лгать. Ты причинил ей страшное зло, а я только что причинил страшное зло тебе. Не думаю, чтобы зло, которое я совершил по отношению к Меридиану, было бы таким же ужасным. От вас, Меридиан, я не жду прощения. Я только надеюсь, что все мы страданием искупим этот ужас.

Л а й л. Да что с тобой? Ты разве забыл, что ты белый? Белый! Мой папаша мне говорил, никогда не забывай, что ты белый. Подумать только, я знал тебя всю свою жизнь, а теперь мне за тебя стыдно. Мне за тебя стыдно. Убирайся туда, к своим черномазым! Я иду домой с моей дорогой Джо.

М е р и д и а н. Что вам сказал напоследок мой сын, перед тем как вы застрелили его... как собаку?

Л а й л. Как собаку? Ну и хитер же ты, черномазый!

М е р и д и а н. Что он вам сказал напоследок? Он просил сохранить ему жизнь?

Л а й л. Этот тип? Не-ет, не на такого напали! Он слишком много о себе воображал. Наверно, вообразил, что он белый. А я сделал все, что мог, все, что только мог, чтобы он не подох.

М е р и д и а н. И он отверг вашу помощь?

Л а й л. А вы знаете, что этот черномазый психопат мне сказал?

Свет меняется, и теперь все, кроме Л а й л а, находятся в тени. Появляется Р и ч а р д, одетый так же, как в последний раз, когда мы видели его на улице, возле заведения папаши Джоэла.

Р и ч а р д. Я готов. Вот я. Вы спрашиваете, готов ли я, да? Что у вас на уме, белый человек?

Л а й л. Парень, я всегда относился к вам ко всем с уважением. Не пойму, что с тобой, почему ты так себя ведешь, но тебе надо передо мной извиниться, и я пришел сюда, чтобы получить это извинение. Имей в виду, я не уйду без него.

Р и ч а р д. Я должен перед вами извиниться? Какая дикость! За что я должен перед вами извиняться?

Л а й л. Благодарю бога, что ты еще жив.

Р и ч а р д. И вы тоже, белый человек.

Л а й л. Я хочу, чтобы ты извинился за свое поведение в моей лавке. Разве это не законное требование?

Р и ч а р д. Может, вам написать расписку в том, что я перед вами извиняюсь? У вас есть бумага?

Л а й л. Смейся, смейся! Я сейчас тебя так разукрашу, что ты уже не засмеешься.

Р и ч а р д. Почему бы вам не пойти домой? И не дать мне уйти домой? Кому нужна все эта мерзость? Неужели нельзя без нее прожить?

Л а й л. Парень, ты пьян?

Р и ч а р д. Нет, я не пьян. Я просто устал, устал от всей этой вражды. Что вы хотите доказать? Что я хочу доказать?

Л а й л. Я хочу сделать тебе поблажку. А ты, видно, слишком глуп, чтобы этим воспользоваться.

Р и ч а р д. Вы делаете мне поблажки уже столько лет. Я ими сыт по горло. Мне нужна только одна поблажка, а на нее вы не согласитесь.

Л а й л. Какая же поблажка тебе нужна?

Р и ч а р д. Чтобы вы пошли домой, и дали мне уйти домой. Мне так много надо сделать. Мне еще очень много надо сделать.

Л а й л. Да и я еще много чего должен сделать. И я бы хотел уйти домой.

Р и ч а р д. Тогда зачем же мы здесь стоим? Давайте пойдём. Дайте мне уйти, белый человек.

Л а й л. Мы пойдём, как только кончим наше дело.

Р и ч а р д. Оно конечно. Вы — человек, и я — человек. Давайте пойдём.

Л а й л. Ты черномазый! Ты здесь родился, неужели тебя не научили почтению к белым?

Р и ч а р д. Нет. Единственный человек, которому я оказываю почтение, — мой отец.

Л а й л. Ты передо мной извинишься?

Р и ч а р д. Нет.

Л а й л. А жить ты хочешь?

Р и ч а р д. Да.

Л а й л. Тогда ты должен знать, как себя надо вести.

Р и ч а р д. Идите домой. Идите домой.

Л а й л. Ты смотришь в дуло моего револьвера. *(Вынимает револьвер.)*
Ну вот. Еще минута, и мы оба сможем пойти домой.

Р и ч а р д. Ах ты сволочь! Почему ты не можешь оставить меня в покое? Белый! Мне ничего от тебя не нужно. У тебя нет ничего, что ты можешь мне дать. Ты даже пытаться не можешь как следует, потому что твои дерьмовые бабы не умеют готовить. Ты не можешь по-человечески поговорить, оттого что никто не хочет с тобой разговаривать. Ты не можешь потанцевать, потому что тебе не с кем танцевать; разве ты не знаешь, что я всю жизнь за тобой слежу? Всю жизнь! И твоих женщин я знаю, имей это в виду, лучше, чем ты!

Лайл стреляет.

Почему тебе понадобилось столько времени, чтобы меня убить?

Лайл стреляет снова.

Ладно, ладно, ладно... Стереги свою старуху, слышишь? Не подпускай ее к неграм. Ей это может понравиться... Ох! *(Падает.)*
Джуанита! Отец! Мама!..

Из церкви доносится пение. Луч света падает на Л а й л а.

Л а й л. Тогда мне пришлось его убить. Я ведь белый! Никто не смеет так со мной разговаривать. Мне пришлось пойти, привезти тачку, взвалить на нее тело... мне пришлось до тачки тащить его на спине... а потом я отвез его туда, где растет густой чертополох. Я сбросил его в чертополох мордой вниз и пошел домой, к моей милой Джо.

Д ж о. Пойдем, Лайл! Нам надо скорее домой. Нам надо поскорее отнести домой маленького.

Л а й л. И я ни о чем не жалею. Имейте в виду: я ни о чем не жалею!

Д ж о. Пойдем, Лайл, пойдём! Он проголодался, мне пора его кормить.

Джо и Лайл уходят.

М а т у ш к а Г е н р и. Нам тоже пора идти, дети. Шествие уже началось.
Л о р е н ц о. На молебствие?

М е р и д и а н. Вы же знаете, что для нас все началось с Библии и с ружья. Может быть, все и кончится Библией и ружьем.

Д ж у а н и т а. Что вы сделали с его револьвером, Меридиан?

Парнелл. Он у вас, револьвер Ричарда?
Меридиан. Да. У меня в кафедре, под Библией. Как когда-то у пилигримов. *(Выходит.)*

Матушка Генри. Пойдемте, дети.

Пение. Входит Пит.

Пит *(заикаясь)*. Ты готова, Джуанита? Пошли?

Джуанита. Да.

Лоренцо. Иди сюда, Пит. Стань рядом со мной.

Они идут к дверям церкви. Пение становится громче.

Парнелл. Ну вот.

Джуанита. Ну вот.

Парнелл. Могу я пойти с тобой, Джуанита? Можно мне пойти вместе с вами?

Джуанита. Что ж, мы можем пойти по одной дороге, Парнелл. Пойдем. Выше голову! Пошли!

Уходят. Вслед за ней идет Парнелл.

Н. КУРДЮМОВ

«СВОБОДУ, И НЕМЕДЛЕННО!»

Дух Юга—это и есть дух Америки. Мне не раз это говорили, и, увы, это истинная правда. Как сказал старый негр—сельскохозяйственный рабочий из штата Миссисипи: «Все Соединенные Штаты — одна огромная плантация».

Джеймс Болдуин

Года два назад мне пришлось побывать в местах, о которых пишет Джеймс Болдуин в своей пьесе «Блюз для мистера Чарли», в частности и в штате Миссисипи, на котором справедливо стоит клеймо «заповедник расизма». Помнится, как в Нью-Йорке знакомый негр напутствовал нас:

— В Миссисипи могут быть неприятности. Расисты не любят посетителей с Севера, тем более советских людей. Негры вряд ли осмелятся с вами говорить. Нужно быть черным, чтобы понять всю глубину страданий моих братьев и сестер.

Наш знакомый оказался прав. Опасаясь расправы, негры не рискуют разговаривать с белыми. «Иес, сэр», «Ноу, сэр»,— предельно коротко отвечают они на все вопросы и спешат побыстрее удалиться. Но трудно было поговорить не только с неграми. Всячески избегали встреч с советскими журналистами и обычно словоохотливые «отцы» города Джексона — мэр, редактор местной газеты и другие. Недаром, говоря о миссисипских обычаях гостеприимства, один путешественник заметил: «Миссисипи — это, пожалуй, единственный в США штат, где в вас могут бросить бутылкой кока-колы с приятной улыбкой на лице». Мы почувствовали удушающую атмосферу, царящую там, увидели вековой страх, застывший в глазах детей. Виденное на американском Юге дает нам основание говорить, что Джеймс Болдуин в своей страстной пьесе не сгустил краски.

Грустными негритянскими песнями с характерным надрывом встретил и проводил нас штат Миссисипи, жестокая, страшная быль предстала нашим глазам. Условия, в которых существуют миллионы негров на Юге (жизнью это назвать нельзя), нужно видеть своими глазами, чтобы поверить. Словно лента диковинного фильма, проплывала перед нами страна хлопковых плантаций: серые хижинки у дорог, душные, скученные и замусоренные негритянские окраины городков, кричащая бедность. И все это на фоне чудесной природы, на фоне сверкающих белизной особняков в колониальном стиле.

В Джексоне — столице штата Миссисипи — у входа в здание мэрии нам бросилась в глаза бронзовая табличка с надписью: «Джексон-холл. Построен рабами в 1846—1847 гг. Первоначальная стоимость 7 505 долларов 58 центов». Табличка напоминала не только о прошлом. Правда, рабов в юридическом смысле сегодня уже нет на Юге,

однако система рабовладельческих порядков сохранилась столь же зримо, как флаг конфедератов, развевающийся в центре города.

Расистские порядки в Миссисипи освящены законами. Незадолго до нашего приезда в штате был принят, например, закон, по которому учителям предложено с малолетства вдалбливать школьникам, что социализм — это зло, а негры — биологически низшая раса по сравнению с белыми. Если в городах Севера дискриминация часто прикрывается, в Миссисипи не стесняются. На самых видных местах Джексона всюду красуются таблички «Только для белых».

Таблички «Только для белых» несут и в местном Капитолии — здании законодательного органа штата, олицетворяющего «демократию и справедливость». Когда мы смотрели из галереи на развалившихся в кожаных креслах законодателей (избирать, быть избранным и писать законы — «бремя» белого человека в Миссисипи), ничто, казалось, не нарушало уверенности джентльменов в том, что так было и так будет вечно. Но это только на поверхности. Расисты предчувствовали, что близится буря — она разразилась несколькими месяцами спустя, и газеты уже били в набат, угрожая расправой борцам за гражданские права, организовавшим демонстрацию.

В университетском городке Оксфорде, когда мы ходили к расположенному в глубине тенистой аллеи дому недавно скончавшегося большого американского писателя Уильяма Фолкнера, нам рассказали о злоключениях белого студента Билла Бартона. За одну статью в местной газете об участниках «маршей свободы» он стал объектом преследований. Совет белых граждан внес его имя в черные списки «друга черномазых», а в конфиденциальном письме расистским организациям, к которому приложил руку губернатор штата Росс Барнетт, студент был охарактеризован как «очень опасный», сочувствующий преследуемой на Юге Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

Впрочем, расистские гангстеры не останавливаются и перед физическим уничтожением борцов за гражданские права. Весь мир облетело нынешним летом зловещее известие об исчезновении в Миссисипи трех юношей — Майкла Швернера, Джеймса Чинли и Эндрю Гудмена, отправившихся в штат с призывом к неграм регистрироваться для участия в голосовании. Расисты учинили дикую расправу над негром и двумя белыми. Лишь после долгих поисков удалось обнаружить их изуродованные трупы в районе городка Филадельфии. Финал этого страшного злодеяния также известен: убийц не будут преследовать в судебном порядке, ибо, как заявили присяжные, «имеющихся у нас сведений недостаточно, чтобы установить причину или причины смерти».

Нынешний подъем негритянского движения в США американские обозреватели называют «негритянской революцией» (скорее журналистское, чем научное определение, ибо эта «революция негров» не бросает вызова основным классовым устоям американского общества). Многие обстоятельства способствовали скоплению в черных гетто «социального динамита» — рост безработицы и прогрессирующая нищета; крушение надежд на освобождение «сверху», вызванное провалом официальных мер по отмене сегрегации; и, конечно не в последнюю очередь, влияние успехов национально-освободительного движения, особенно в странах Африки и на Кубе.

Сто один год спустя после прокламации президента Линкольна об освобождении рабов расовая дискриминация и сегрегация, несмотря на многочисленные посулы и выхолощенные билли конгресса, продолжают процветать и сопровождают американского негра от колыбели до могилы. Политика сегрегации преграждает неграм на Юге путь в залы ожидания, в закусочные, в кинотеатры, в парки, на пляжи. Притом на всякую, даже малейшую, попытку негров добиться элементарной справедливости расисты, куклуксклановцы отвечают свинцовым кулаком террора.

За десять лет, прошедших со дня решения Верховного суда о запрещении сегрегации, из каждой тысячи негритянских детей едва лишь один смог переступить порог школы совместного обучения. Если ликвидация расовой сегрегации в школах будет вестись такими же темпами, не без оснований отмечала газета «Нью-Йорк уорлд телеграмм энд сан», то полная ее отмена произойдет не раньше, чем через тысячу лет.

Негры Америки не желают больше ждать милости ни тысячу, ни сто, ни десять лет. Оглядываясь на минувшее столетие после освобождения от рабства, они с горечью и отчаянием сознают, как ничтожно мало изменилась их жизнь. Конечно, негров ныне не

продают с аукционов, и рынки рабов, сохранившиеся в городах Юга, бездействуют. Но система угнетения, установленная плантаторами-рабовладельцами, сохранилась почти в полной неприкосновенности. У многих, очень многих негров, которые еще вчера уповали на благоразумие белых господ, лопнуло терпение. Взрывы бомб и вой полицейских собак окончательно развеяли их иллюзии. Да и могло ли быть иначе? Ведь даже по признанию Губерта Хэмфри в минувшем году Соединенные Штаты «установили рекорд насилия над человеческим достоинством своих граждан».

Вот почему в ходе беспримерных по масштабам негритянских выступлений на Юге и Севере по всей стране миллионы уст повторяют: «Свободу, и немедленно!»

Борьба негров наложила отпечаток на всю внутривнутриполитическую жизнь страны. Понятно, почему многие писатели Соединенных Штатов Америки в последние годы стали в своих книгах с особой настойчивостью обращаться к этой теме. Со многими из этих книг советский читатель познакомился на страницах журнала «Иностранная литература» — назовем хотя бы «Путешествие с Чарли» Джона Стейнбека, «Дженни» и «У нас дома» Эрскина Колдуэлла, «Изюминка на солнце» Лорейн Хэнсберри, «Убить пересмешника» Харпер Ли. Подчеркнуто современная, злободневная пьеса Джеймса Болдуина «Блюз для мистера Чарли» позволяет со всей очевидностью почувствовать, какой это жгучий и взрывчатый жизненный материал. Болдуин спешит выложить людям нечто настолько горячее, раскаленное, что, кажется, и сам не может долго удерживать его в руках. Он кричит, и этот яростный крик превращает его пьесу в настойчивое свидетельство — смотрите, спешите что-нибудь сделать, иначе будет поздно!

То, что мы читаем в пьесе Джеймса Болдуина, в самом деле приводит в содрогание.

...Человек, воровато оглядываясь, несет на спине другого человека; он его только что убил. В убийце нет и тени раскаяния. Он сплевывает, сбрасывает труп в канаву; кажется, если тот хоть что-нибудь чувствовал, убийца издевался бы над трупом еще и еще. Убийца — белый; убитый — негр.

Перелистаем несколько страниц; действие отходит назад, к предыстории трагедии. Молодой человек, негр, танцует со своей подругой в баре. Входит лавочник, будущий его убийца. Он доволен собой и развязен; девчонка эта приглянулась ему, и он уверен, что она не станет долго сопротивляться «белому господину»; что касается ее «черномазого», лучше бы он помалкивал...

Перед нами — американский Юг, и пьеса Болдуина говорит об отвратительном духе расовой ненависти. Эта ненависть порождена систематическим и безжалостным угнетением негров со стороны тех, кто убежден в своих будто бы само собой разумеющихся привилегиях и преимуществах перед многомиллионным негритянским населением США. События последнего времени показали всем, какой серией преступлений и бесчинств способно ответить это твердолобое высокомерие на малейшую попытку официально ограничить его «права».

Болдуин заставляет читателя (или зрителя) дать себе отчет в том, что условия гнета породили в США симптомы настоящей расовой войны, расового раскола, который углубляется, потому что терпение и вера в возможность «законного» решения почти иссякли. Долговременная слепая ненависть угнетателей наращивает ненависть угнетенных, нередко столь же слепую; они подумывают о том, как это делает герой пьесы Ричард, что «негры должны вышвырнуть всех белых».

Ричард ненавидит лавочника Лайла. Лайл — рядовой и не слишком процветающий американец, прижимистый и нечистоплотный. Его убежденность в том, что негры — не люди, нерушима. Он врос, как мелкий моллюск, среди тысячи себе подобных в старье, охраняемые «отцами» общества традиции.

А вот его противник, Ричард. Он негр, смелый и способный молодой человек. Он ненавидит угнетение и готов отдать себя целиком борьбе. Но что он под ней понимает, вернее, чувствует и быстро находит этому чувству множество обоснований, выясняется по ходу действия — это месть, беспощадная месть белым за неисчислимые страдания негритянского народа. И он мстит, как умеет, — через белых женщин, выискивая доказательства неполноценности и ущербности белых, в многочисленных стычках, которые он старается выиграть и выигрывает и т. п. Нормы и законы общества, в котором он живет, не прошли мимо него; он по-своему задет и отравлен его идеями, как был

отравлен наркотиками, живя в Нью-Йорке, откуда он возвратился в родной город. Многолетние унижения превращают его справедливый гнев в необузданную ненависть.

Жизненность этих противоречий неоспорима. Болдуин берет проблему сложно, его яркая правда обжигает, она требует ответа, обвиняя весь строй, весь уклад, прошлое и сегодняшний день американского Юга.

В основе пьесы лежит реальный факт убийства кукуклуксклановцами негра Эммита Тила. Толчком к написанию пьесы, как говорит автор, послужили и другие события — смерть четырех негритянок в церкви Бирмингема, куда расисты бросили бомбу, гибель в прошлом году Медгара Эверса; этим жертвам расизма он и посвятил свою пьесу.

Обстоятельства гибели Медгара Эверса — активного борца за гражданские права — столь трагичны, что о них следует напомнить. Вот что говорит о последних днях Эверса его жена: «...Когда в Джексоне началась новая серия демонстраций, угрозы усилились. В тот вечер я почему-то ни на час не дала детям заснуть. Они хорошо знали шум автомобиля отца, и, когда он ночью, примерно двадцать минут первого, въехал на дорожку, ведущую к дому, они сказали: «Мама, это папа приехал», и все столпились у дверей, чтобы встретить его. Мы слышали, как автомобиль остановился и открылась дверца, а потом мы услышали выстрел. Он был очень громкий. В одно мгновение я поняла, что в Медгара стреляли... Когда я одним рывком открыла дверь, он с ключом в руках, шатаясь, шел от автомобиля к ступенькам, намереваясь войти в дом. Он упал лицом вниз. Всюду была кровь... Дети выбежали из дома, окружили меня, кричали: «Папа, встань, пожалуйста, встань».

Расистское «правосудие» осталось верным себе. Убийца Эверса Беквит отделался испугом. Не случайно еще в начале процесса газета «Нью-Йорк геральд трибюн» предсказывала: «Никогда еще за минувшее столетие белого человека в Миссисипи не приговаривали к смерти за убийство негра».

«Жизнь негра в Миссисипи,— говорил Джеймс Мередит,— ценится дешевле, чем воздух, которым он дышит». История Миссисипи, всего американского Юга — это бесконечный перечень кровавых преступлений, безнаказанных расправ расистов над невинными жертвами. Когда познакомишься с комедией суда над убийцами Медгара Эверса (пьеса Болдуина была уже к этому времени написана), ловишь себя на мысли, что автор словно перенес содержание процесса в пьесу. Настолько психологически и детально точно передал Джеймс Болдуин беспримерный цинизм и повадки расистов.

И как не понять после всего этого ненависть героев пьесы Джеймса Болдуина, день за днем, год за годом живущих в атмосфере издевательств, унижений, террора и беззакония. Но понять — не значит согласиться с надломленным, доведенным до отчаяния героем пьесы Ричардом, склонным винить в несчастьях своего народа всех белых без разбору: «Я буду вести себя с каждым белым так, будто это он виноват во всех преступлениях за всю историю человечества...»

Пьеса начинается в атмосфере жестокого расового разобщения и вражды; к концу ее вражда усиливается. В пьесе нет белых героев, которые были бы сторонниками равноправия негров. Единственный белый человек, журналист Парнелл, который как будто понимает положение негров, в решающий момент предает их. Он не в состоянии сказать суду, что его приятель детства Лайл — убийца, хотя знает об этом; в завершающей картине суда на сцене противостоят друг другу Белый Город и Черный Город; свистом, насмешками и бранью откликаются они на появление тех или иных свидетелей; все отступает на задний план перед непроницаемой враждой, и Парнеллу вместо путей поисков истины предоставляется просто выбор — в тот «город» или в этот. К чести его, он в самом конце пьесы выбирает «город черных», но уже после суда.

Здесь открывается перед нами противоречивость позиции Джеймса Болдуина — талантливого и яркого публициста и писателя,— отражающая противоречия самого негритянского движения в США. Негритянская интеллигенция США, несмотря на упорное стремление расистов загнать негра в старую «хижину дяди Тома», давно уже играет важную роль в духовной жизни Америки. Взгляды такой интеллигенции опираются на повсеместное возмущение широких слоев негритянского населения США политикой террора и попытками сохранить расовую дискриминацию, однако в этих взглядах ощуща-

ются иногда и предрассудки этой массы, условия жизни которой вызывают в ней стремление к изоляции и безоглядно-резкому национальному самоутверждению.

В пьесе Джеймса Болдуина эти настроения безусловно сказались. В ней очень правдиво и убедительно отражена сама атмосфера насилия и ненависти, в которой живет американский Юг. Однако воспроизводя насилие и неистовство, Болдуин по существу проходит мимо идеи совместной борьбы угнетенных негров и белых за социальную справедливость, лишь в самом конце намекая на возможность общих действий; определенная замкнутость дает о себе знать в самом расположении образов пьесы, расстановке акцентов, рассуждениях о «преимуществах» той или иной расы и т. д.

Может, продиктованная отчаянием позиция разделения рас, кстати сказать, пропагандируемая в США движением «черных мусульман», против которых сам Джеймс Болдуин не раз выступал в своей публицистике, способна ускорить избавление негритянского народа? Скорее, наоборот. Опыт истории убедительно показывает, что курс на противопоставление рас способен ослабить силы, борющиеся за освобождение. Проповедь расового «отгораживания» от белых может лишь оттолкнуть многих белых, выступающих в защиту негров, лишить негритянское движение естественных союзников, принести очевидный вред в обстановке, когда передовые, прогрессивные силы страны смело выступают в поддержку требований негритянского населения. Вспомним хотя бы белого почтальона из города Балтимора Уильяма Мура, отправившегося в Миссисипи с протестом против сегрегации негров и убитого пулей в затылок на дороге в штате Алабама. Вспомним всколыхнувший всю страну грандиозный поход на Вашингтон в августе 1963 года, когда тысячи и тысячи белых рабочих присоединили свои голоса к голосам негритянского населения. Вспомним многие другие выступления передовых, прогрессивных людей Америки в защиту своих сограждан с темным цветом кожи.

Минувшим летом тысяча добровольцев — студентов и учителей со всех концов США (многие из них были белые) отправились в Миссисипи, чтобы помочь неграм штата бороться за свободу и человеческое достоинство. Многие из них бесстрашно продолжают работу и сейчас, несмотря на аресты и бесчинства полиции, несмотря на угрозы и убийства. «Когда будет написана американская история лета 1964 года,— замечает в этой связи комментатор Ирвинг Диллард,— не съезд республиканской партии в Сан-Франциско и не съезд демократической партии в Атлантик-Сити будут самыми важными событиями этого длинного жаркого лета. Самым важным событием будет героический вклад сотен молодых американцев, которые, не щадя сил и порой рискуя жизнью, поехали в Миссисипи, открыли десятки «свободных школ» для тысяч молодых американцев, прежде не получавших никакого образования, помогли им зарегистрироваться в списках избирателей и создали у них новую уверенность в силе объединенных действий».

Таким образом, при всем стремлении автора к безоговорочной правде, в пьесе присутствует не вся правда. Америка—это, конечно, не просто страна белых и черных, это и страна Джона Брауна, страна традиций совместной борьбы за свободу и человеческие права. Было бы неправильным утверждать, что Джеймс Болдуин разделяет позицию своего героя Ричарда. Однако несомненно, что в пьесе расизм предстает вне его социальных причин, не показан как глубочайшая болезнь буржуазного общества. Это и породило очевидные недостатки этой сильной и талантливой пьесы.

Пьеса Джеймса Болдуина много может сказать нам о накале народного протеста на американском Юге. Дальнейшее развитие негритянского движения за свободу, несомненно, будет все больше и больше подводить героев Болдуина к единственно правильному выводу: для победы необходима совместная борьба негров и белых, к чему неустанно призывают прогрессивные силы Америки.

